

Борис Сапожников

БОЛЬШАЯ ИГРА

Историческая фантастика. Эпоха империй

Борис Сапожников

Большая игра

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

Сапожников Б. В.

Большая игра / Б. В. Сапожников — «АСТ»,
2016 — (Историческая фантастика. Эпоха империй)

ISBN 978-5-17-098276-9

Альтернативный XIX век. Не изобретен порох, но до сих пор существуют гладиаторские бои, и граф Остерман-Толстой, изгнанный из светского общества, зарабатывает на жизнь участием в них. Однажды ему и его товарищам пришлось столкнуться с необычным противником – существами, в чьих жилах течет не только человеческая кровь. Появился новый враг, общий для всех людей, и как это повлияет на Россию, недавно пережившую и в этой реальности Крымскую войну?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-17-098276-9

© Сапожников Б. В., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Борис Владимирович Сапожников

Большая игра

© Борис Сапожников, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть первая Месть принца Альберта

Глава 1 Лондиниумский колизей

Лондиниум – старинный город, основанный еще римлянами на берегу реки Темзы. В те незапамятные времена он был самой глухой провинцией, некоей Тмудараканью, куда посылали за смертью в порыве гнева своих недругов не сдержанные на язык плебеи, а быть может, и патриции. Кто же знает, каковы они были – те патриции? Вполне возможно, не изыскались высоким штилем, как в тех письменных источниках, что дошли до наших дней. Бог весть какими увидят нас потомки лет через полтысячи. И я был уверен, что, глядя на арену гладиаторских боев, они вовсе не изрекали ничего высокопарного, а орали и галдели, подобно громадной стае чаек, выходящей над свалкой.

Я не любил Лондиниума, как, впрочем, и всего, что так или иначе связано с Британией и всем британским. Особенно же меня раздражал здешний язык. Даже немецкое «гавканье» куда приятнее на слух, нежели местная речь. В каждом немецком слове слышится стальной отзвук мощных боевых машин, готовых смести все живое с поля боя, лязг доспехов германской тяжелой кавалерии, которая немногим уступает этим самым машинам. У англичан же вечно словно каша во рту. Порой разбирать их бормотание весьма не просто, особенно когда твой собеседник пьян в доску или уже успел сделать хорошую затяжку опиума. И ведь именно с такой публикой мне – графу Остерману-Толстому, сыну героя Революционных войн, чей Егерский корпус штурмовал в составе Коалиционной армии Лютецию Парижскую, – приходилось общаться чаще всего. Конечно, в то время, когда я не развлекал почтеннейшую публику смертельными боями на арене цирка. А с кем еще прикажете общаться лишенному чести, хотя и оставшемуся при ничего не значащем титуле дворянину?

Много лет, после того как меня публично ошельмовали и сломали шпагу над моею буйной головой (предварительно сорвав эполеты, все полученные за несколько лет службы и Крымскую кампанию награды, а после и сам мундир), я кочевал по дорогам Европы вместе с группой таких же изгнанников, чьим ремеслом была война. И только война. Теперь же им стало банальное убийство – да еще и на потребу публике, прикрытое, словно фиговым листочком, словом «игроки».

Теперь нас – гладиаторов – принято было именовать игроками. Как будто от этого менялся смысл нашего кровавого и жестокого дела. Мы развлекали почтеннейшую публику, собирающуюся поглазеть на чужую смерть и чужие страдания на аренах древних цирков, оставшихся еще со времен Римской империи. Или же на специально наспех сколоченных трибунах, возведенных прямо на центральных площадях небольших городов. А для тех, кто попроще, так и вовсе на расчищенных площадках, окруженных вопящей и распяляющейся от крови толпой.

В этот раз судьба занесла нашу команду в столицу Британии – в тот самый Лондиниум. Нас пригласили на Большие игры по случаю сороковых именин возлюбленного королевой и, как следствие, всей Британией принца Альберта. Принца Саксен-Кобург-Готского я ненавидел всей душой, и именно из-за последней трети его длинной фамилии. Ведь именно из-за нее консорт¹ Британии был великим магистром Готских рыцарей, которых я очень хорошо

¹ Консорт, или принц-консорт, или *принц-супруг*, – супруг правящей королевы, сам не являющийся суверенным монар-

помнил по Арабату. Правда, сам он в Крыму так и не появился, хотя его портреты мы находили в захваченных шатрах новоявленных крестоносцев после страшного боя под Инкерманом.

Эти бессвязные мысли медленно текли в моей голове, пока мы на катере поднимались вверх по Темзе. Я стоял, опершись ногой на фальшборт, глядел на проплывающий мимо громадный город. Да, теперь Лондиниум нельзя назвать глухой провинцией. Пускай он и расположен за много верст от признанного центра Европы – Лютеции Парижской, однако уже давно предъявляет свои права на ее место. И не без оснований.

Достаточно только поглядеть на него, раскинувшегося по карте громадным спрутом, протянувшимся вдоль Темзы по обоим ее берегам свои щупальца. Вытянувшего вверх закопченные трубы заводов, кующих промышленную мощь Британской империи. Он разделен на несколько крупных районов, называющихся боро, соединенных линиями метрополитена, поезда которого никогда не останавливаются. Даже под рекой проложены сырые тоннели, которые машинисты стараются проскочить как можно скорее, ведь обрушения в них еще не так давно были едва ли не обыденным явлением.

– Не стоит так глазеть на их город, – я и не заметил, как ко мне подошел Корень. Впрочем, он ходил почти бесшумно – сказалась пластунская выучка. Я обернулся к нему, но он ответил прежде, чем я успел спросить, почему это мне, собственно говоря, и не поглядеть на Лондиниум так, как мне хочется. Была у него такая скверная и крайне раздражающая привычка.

– Ты волком глядишь, – сказал он, – будто ненавидишь весь этот город и каждого, живущего в нем.

– А что, если так оно и есть?

– Местным этого показывать не стоит.

Корень указал мундштуком своей неизменной трубки на сына хозяина катера – совсем еще мальчишку, крепко держащего румпель. Он кидал на меня совсем недружелюбные взгляды. Сказать по чести, мне было на это наплевать. Даже если задираться начнет – тем лучше, будет на ком зло сорвать. Его папаши, иногда выглядывающего из кочегарки, я ничуть не опасался. Мне не нравилось находиться в самом сердце ненавистного врага всего русского. Быть может, лондиниумские обыватели и не были мне врагами, как и большая часть населения Британии, однако их страна – другое дело. Не было у России врага более коварного, подлого, а главное – последовательного, нежели Британия.

– Нам перед ними еще драться, – заметил Корень, начиная аккуратно набивать трубку.

– Уж точно не перед ними, – покачал головой я. – Выступать мы будем вон там, – указал я на монументальную громадину Лондиниумского Колизея.

Его было видно почти из любой точки города – даже лес труб промышленных районов не загораживал этот памятник истинно британскому тщеславию. Здешний Колизей почти в полтора раза превосходил знаменитый римский, но все равно Олимпийские игры проходили только там. Это было главным условием барона де Кубертена, возродившего их в современном виде и ставшего первым и пока еще бессменным председателем Олимпийского комитета.

– Туда обывателей не допустят, – объяснил я. – Даже худшие места достанутся зажиточным купцам или армейским офицерам.

– А этим где развлекаться? – удивился Корень.

– Слушать в здешних кабаках – они пабами называются – трансляции по радио. Да и по всему городу откроют арены поменьше, но там будут сражаться игроки не нашего уровня.

– Вон как ты заговорил, – рассмеялся Корень. – Прямо прет от тебя господской спесью. Забыл, поди, как мы начинали и где.

– Не забыл, – ответил я. – Совсем не забыл.

Выгородка из веревок, едва сдерживающая орущую толпу, и неизменная грязь под ногами. Очень быстро земля становится грязью во время схваток игроков – даже в самые жаркие дни засушливого лета. Она легко напивается кровью, становясь жирной, будто чернозем, и липнет к одежде и коже так, что кажется, ее и не отмыть никогда.

– Тарас все еще не в форме после той заварухи у немцев, – сказал наконец Корень. Он явно пришел ко мне не затем, чтобы вести беседы о том, как я гляжу на Лондиниум. – Он храбрится, вид держит, но на каждой тренировке видно, как ему больно. Надо его доктору толковому показать.

– Показывал уже, – с досадой отмахнулся я. – И знаю, что с Тарасом все совсем не так гладко, как ему хотелось бы. В Гамбурге врач сказал, что Тарасу нельзя выступать, как минимум, пару месяцев. Тот здоровяк-немец ему не только ребра попортил – он ему потроха все отбил напрочь. Внутренних кровотечений не было, по крайней мере тогда, но Тарас должен себя беречь.

– Так чего ж ты его с нами потащил?! – пыхнул трубкой Корень. Лицо его исказилось от гнева, густые, как и положено всякому уважающему себя запорожцу, усы встопорщились, будто у разъяренного кота.

– Он себя на тренировках не бережет, – пожал плечами я. – Да и что мне было делать? Бросить в Гамбурге, выдав его часть призовых, так, что ли? Надолго бы ему хватило тех денег, как ты думаешь? – Страсть к мотовству, присущая нашему рукопашному бойцу, была отлично известна всем в группе. – И где бы мы нашли так быстро другого рукопашника, а? Тарас даже не в форме даст сто очков форы любому игроку из тех, что могли нам предложить ланисты в Гамбурге. Ты бы хотел в нашу группу немца?

– Хватит уже, – пробурчал Корень, – совсем ты меня заклевал. Но выводить сейчас Тараса на бой – это ж убийство.

– Вот и присмотри за ним, – ответил я. – И я тоже буду приглядывать.

– Будет у тебя время приглядывать, как же.

Тут запорожец был прав на все сто. Тяжелому бойцу, если придерживаться старинной классификации, гоппомаху! во время боя вовсе не до того, чтобы присматривать за рукопашным бойцом. Пускай у Корня тоже будет немало забот, но он все-таки намного быстрее меня и сможет при случае хоть чем-то помочь Тарасу.

Катер причалил к Гладиаторской пристани, расположенной ближе всего к Колизею. Я расплатился с его хозяином, воняющим гарью и виски мистером Смитом, и моя команда сошла на берег. Наше долгое путешествие по морю, а после – вверх по Темзе закончилось.

Я сходил последним, придиричиво осматривая по привычке всех своих бойцов.

Первым быстро, пружинисто шагал карабинер Армас Мишин – здоровяк с песочного цвета волосами и роскошными усами, каким, наверное, завидовал втихомолку даже Корень. Был он родом из Ингерманландии, вся родня его служила солдатами или унтерами в разных полках Российской империи. Он тоже начинал службу не где-нибудь, а в недавно организованном Карабинерном батальоне. Как и за что он оттуда вылетел, оказавшись среди игроков, конечно же, предпочитал не распространяться.

Почти не отставал от него стрелок Вахтанг Ломидзе по прозвищу Князь, стриженный под бокс молодой² картлиец с неизменной парой легких арбалетов за спиной. Как он управ-

² *Гоппомах*, *Hoplomachus* (от греч. *hopla* – вооружение, *machein* – сражаться), – происходит от одного из трех самых первых типов гладиаторов, который назывался самнитом (как представитель пленных из Самнии) и в давние времена дрался с галлом и фракийцем. Это самый тяжелый и сильный из всех гладиаторов, обладает самым тяжелым снаряжением. Он вооружен большим щитом и мечом, а его основная тактика – защита.

ляется с ними во время боя, я до сих пор ума не приложу. Однако умудряется же каким-то образом, раз прошел уже в моей команде не один десяток игр. И почти никогда он не получал ранений, разве что самые пустяковые.

Третьим, слегка вразвалку, обычной своей походкой, шагал Тарас Гладкий – рукопашный боец. Он брил голову, как будто стараясь оправдать фамилию, и отказывался отпускать оселедец, чтобы придать себе сходство с запорожцами, какими их представляют обыватели. Он нес на плече мой тесак, делая вид, что не замечает его весьма серьезного веса. В этом был весь Тарас – никогда не показывать никому: ни публике, ни товарищам по группе, – что тебе бывает тяжело или больно. Он настолько не любил жаловаться, что врачам приходилось иногда из него информацию едва ли не клещами вытягивать. Порой до смешного доходило. Поначалу рядом с ним стоял я или Корень. Мы рассказывали врачу, какие именно травмы получил наш рукопашный боец после очередной схватки. Руководствовались при этом тем, что сумели заметить во время боя. Только угрозой не выпустить в следующий раз на арену можно было заставить Тараса говорить, но и тогда он выкладывал далеко не все.

– Спасибо, что захватил мой тесак, – кивнул я Тарасу, удерживая его за локоть. – Ты как?

– Драться смогу, – важно кивнул тавричанин свежесбрившей головой, – и больше столько ударов не пропущу.

– Ты смотри, здесь медкомиссия строгая, – решил немного пострадать его я. – На играх для принца должны быть только здоровые бойцы. Если ты что-то от меня скрываешь, то лучше сразу расскажи.

– Да все хорошо со мной! – резче, чем следовало, ответил мне Тарас. – Говорю же, жить буду и драться завтра смогу. Что еще надо?

– Надо, – не отпуская его локтя, произнес я, – чтобы ты на своих ногах потом с арены ушел.

– Да хватит уже! – вспыхнул Тарас, рывком освобождаясь, хотя если бы я не отпустил его, то вырваться он вряд ли бы смог. – Я в полном порядке. Сколько еще раз мне надо повторить, чтобы это дошло до тебя, командир?

– Не дерзи мне, Тарас, – осадил его я. – Я отвечаю за всех и должен быть уверен в каждом, кто завтра выйдет на арену Колизея.

– Во мне, стало быть, ты уже не уверен? – взбрыкнул тавричанин. Он даже голову наклонил, будто бодливый бычок.

– Уверен, – успокоил его я, – но проверить никогда не вредно, верно? – Я подмигнул ему, пытаясь свести все к шутке. И сразу понял – мне это не удалось.

Тарас кивнул в ответ, но ничего говорить не стал. Он, осторожно ступая, спустился на каменную пристань и отошел к остальным бойцам моей группы.

– Зря ты Тараса так завел, – покачал головой Корень, проходя мимо. – Он теперь на тебя дуться будет, словно дитя малое.

– Я его еще и завтра заведу как следует перед боем, пускай позлее будет.

– Хочешь, чтобы побыстрее с врагом разделался, без лишних движений?

Я только кивнул в ответ – Корень снова угадал мои мысли, даже не задавая наводящих вопросов. Мы слишком хорошо знали друг друга, чтобы нуждаться в них. Была у Тараса еще одна страстишка. Начиная в цирке, как и многие игроки-рукопашники, он был склонен к мелким эффектам, рассчитанным на зрителя. И далеко не всегда понимал, когда они уместны, а когда нет. Именно из-за нее он и пропустил те несколько ударов от противника в Гамбурге, что едва не отправили его на больничную койку. Но если Тараса хорошенько разозлить перед боем, то он мгновенно забывал обо всей театральности и начинал вымещать накопившееся зло на противнике. Это мне и было от него нужно в предстоящей схватке.

Желательно начинать злить тавричанина загодя, потому что он был человеком по натуре спокойным.

Когда Корень сошел на берег, я закинул на плечо принесенный Тарасом тесак и, кивнув на прощание Смиуту и его сыну, последовал за своими людьми.

От пристани до окружавших Колизей казарм была всего пара кварталов, однако стоило отойти от нее на десяток шагов, как к нам заспешил патрульный бобби. Немолодой уже полисмен был грузным, что ничуть не сказывалось на его резвости, только лицо с каждым шагом наливалось кровью.

– Стойте-стойте! – загодя закричал нам он. – Вы кто такие, чтобы шататься по городу с оружием?

– Городовые всюду одинаковы, – философски изрек Князь. – Ведь знает же, шельма, кто мы такие, а все равно бежит уже за взяткой.

– О чем это вы тут сговариваетесь?! – еще громче закричал бобби, конечно же не понявший ни слова из того, что сказал Ломидзе. – Не смей болтать здесь на вашем варварском наречии при носителе власти.

Да уж, картлиец был прав на все сто. Мы много поколесили по Европе, разве что за Пиренеями не бывали. Всюду мелкие представители власти, будь то таможенные чиновники или вот лондиниумские бобби, были похожи, словно яйца из одной корзинки. Всем надо было только сакраментального «тащить и не пущать».

– Мистер, – выдал я наилучшую из своих улыбок, явно польстив простому полисмену, – разве вы не видите, на какую пристань Темзы мы вышли? Я и мои друзья игроки, приглашенные их величествами на Большие игры в честь юбилея принца Альберта.

– Их высочества принца, – поправил меня ворчливым тоном бобби. – Предъявите приглашение.

Я опустил тесак, упрятанный в кожаный чехол, уперев его широким концом в мостовую, вынул из внутреннего кармана сложенную вчетверо бумагу, украшенную гербовой печатью.

– Все честь по чести, мистер, – заявил я, протягивая приглашение бобби, а пока тот возился с ним, водя по бумаге не слишком чистым пальцем, вытянул из кармана полновесную крону и отдал ее в обмен на приглашение. – Быть может, вы, мистер, могли бы оказать услугу и проводить нас до казарм, чтобы в дальнейшем у нас не было недопонимания с представителями лондиниумской полиции?

– Казармы – это как раз край моего участка, – важно кивнул бобби, пряча монету, – и я всегда рад оказать небольшую услугу гостям нашего королевства.

Так поступить было проще, чем терять время, показывая бумагу каждому встречному полисмену.

Теперь мы уверенно шагали по улицам Лондиниума вслед за сияющим не хуже полученной монеты бобби. Однако прошли все равно немного. На сей раз нас остановил мой, можно сказать, старинный знакомый. Я не видел его со времен Крымской кампании и, сказать по чести, не желал встречаться с ним еще столько же. Но высокий паладин Ордена вырос перед нами, словно соткавшись из знаменитого на весь мир лондиниумского смога. Сэр Галахад – один из четверых известных мне рыцарей Ордена – носил звание паладина. Это подтверждали корона и одна звездочка на погоне, сплетенном из кольчужного полотна. Он был данью рыцарской традиции Ордена, члены которого давно уже сменили доспехи на куда более практичные в наше время мундиры. Те сильно отличались от большинства британских мундиров – у того же сэра Галахада он больше всего напоминал длинный плащ с пелериной, украшенной на левом плече золотым аксельбантом. Шею прикрывал горжет – также сильно отличавшийся от офицерского, ведь он, в первую очередь, должен был защи-

щать от клыков и когтей тварей, с которыми чуть ли не ежедневно приходилось сталкиваться рыцарям Ордена.

– Рад, что вы откликнулись на приглашение и решили поучаствовать в турнире, – несколько церемонно произнес Галахад. Немолодой паладин разговаривал так, будто жил во времена легендарного основателя Ордена – сэра Томаса Мэлори, большого поклонника легенд о короле Артуре. – После него у меня будет к вам небольшое дело.

– После игр я постараюсь как можно скорее покинуть Британские острова, сэр, – ответил я. – Простите, но я не собираюсь задерживаться здесь дольше необходимого и злоупотреблять вашим гостеприимством.

– Граф, – остался верен своей церемонности сэр Галахад, несмотря на то что мои слова ему явно пришлись не по душе, – я понимаю, что вы не слишком любите британское гостеприимство после Севастополя, однако я вынужден буду настоять на вашей задержке. Не хочу распространяться пока о сути дела, скажу лишь, что предложение будет сделано всем командам и отдельным игрокам, кто останется на ногах после турнира.

Провожавший нас бобби вытаращился на меня. Конечно, нечасто увидишь настоящего графа во главе команды игроков. Обычно аристократы предпочитали держаться подальше от подобных сторон жизни, хотя, конечно, на трибунах их было всегда достаточно. Но чтобы самому в игроки пойти? Это было даже не исключением, а нонсенсом. И таким вот нонсенсом был я. Наверное, бобби думал, что продешевил, – с графа можно было бы получить и полфунта, а не жалкую крону³.

– Рад, что вы заранее уверены в нашей победе, сэр, – усмехнулся я.

– Я отлично помню, граф, что вы сделали с предыдущим владельцем этого тесака, – кивнул на мое зачехленное оружие сэр Галахад, улыбнувшись в густые усы.

И на меня словно повеяло крымской жарой и влажным ветром с Черного моря. Под ногами уже не грязная лондиниумская мостовая, а пыльная земля Таврического полуострова. Напротив же высится, закрывая быющее в глаза солнце, могучая фигура с громадным тесаком на плече.

– Я провожу игроков до казарм, – произнес, развеивая наваждение, сэр Галахад, – в ваших услугах более надобности нет, полисмен.

Бобби только плечами пожал – возвращать мне крону он явно не собирался. Равно как и я даже не думал требовать ее обратно – мелочным никогда не был. У бобби, скорее всего, семья, которую еще кормить надо, и жалованье явно невелико.

– Ждите неприятностей от их высочества, – заявил неожиданно сэр Галахад, пока мы шагали оставшееся до казарм расстояние. – Кто-то уже сообщил ему о вашем приезде, граф, и он постарается расквитаться с вами за гибель Готских рыцарей под Арабатом.

– Поэтому вы, сэр, решили проводить нас самолично? – понял я.

Галахаду даже кивать не пришлось – ответ был очевиден.

– Не думайте, что я оказываю вам дружескую услугу, – решил все же внести ясность сэр Галахад, – вы просто будете нужны Ордену после игр.

– Почему же обязательно после?

– Я бы забрал вас и до них, но кто же позволит Ордену сорвать Большие игры в честь сорокалетнего юбилея нашего возлюбленного принца.

В голосе явственно слышалась изрядная доля мрачного сарказма.

Мы распрощались уже у самых казарм. Пару раз по широкой улице подозрительно близко к нам следовали вместительные кебы. В таких находились обычно по пять-шесть человек, и не раз мне доводилось слышать истории о том, как именно в них разъезжали по городу налетчики, нападающие даже на казначейские кареты. Или модные в последнее

³ Крона – монета в 5 шиллингов. Один фунт стерлингов равняется 20 шиллингам.

время анархисты, готовые швырнуть алхимическую бомбу хоть в королеву, хоть просто в толпу побольше.

– Будете на трибунах, сэр? – спросил я у Галахада на прощание.

– Нет, граф, – покачал головой тот. – Я предпочитаю театр или оперу. Крови мне на работе вполне хватает.

Мы крепко пожали друг другу руки. Несмотря ни на что я уважал паладина, хоть он и был моим смертельным врагом в Крыму.

А вот Корень моих настроений отнюдь не разделял. Стоило только сэру Галахаду повернуться к нам спиной, как бывший запорожец проводил его ненавидящим взглядом и одними губами послал несколько проклятий.

– Остынь, – положил я ему руку на плечо, снова уперев тесак широким концом в мостовую.

– Из-за этой сволочи казачьи войска распустили, – сквозь зубы процедил Корень.

– Они только повод дали, а казаков распустил по домам все-таки наш царь-батюшка, и никто иной. Не было бы Ордена в Крыму, нашли бы другой повод, уж поверь мне.

– И что, мне теперь с ним целоваться прикажешь, – похоже, присутствие паладина злополучного Ордена повлияло на Корня куда сильнее, чем я мог подумать. – Что б ты там ни говорил про причины-поводы, а не тебя и не твоих родных эта сволочь обвиняла в том, что мы со зверьем лесным якшаемся и бабы наши от волков да медведей приплод несут.

– Поверь, друг, – усмехнулся я. – В Европе все уверены, что так оно и есть. И не только про казаков такое думают, а про всех нас, русских.

Корень в этом не видел ничего смешного. Он освободился от моей руки и, опередив остальных бойцов группы, зашагал к казармам.

Я снова передал тесак Тарасу. Тот опять сделал вид, что мое оружие ничего не весит. Сам же я направился к распорядителю казарм, гордо носящему звание главного кастеляна, оставив группу до поры в холодном предбаннике казарм. Без разрешения кастеляна внутрь нас никто не пустит.

Перед комнатой, занимаемой распорядителем, ставшим в одночасье самым незаменимым человеком, толклись такие же, как я, командиры групп. Очередь образовалась внушительная. Кое-кого я знал лично по играм, других доводилось видеть на плакатах, а о третьих только слышать. Однако куда больше знаменитых игроков, привезших свои команды в Лондиниум, чтобы почтить кровопролитием юбилей британского принца-консорта, меня заинтересовал черноволосый и горбоносый карфагенянин. Сначала я принял его за кавказца – их было немало среди игроков. Однако никто на Кавказе не поклоняется Баал-Хаммону – жестокому божеству древности, главному в пантеоне Нового Карфагена. А именно его хорошо знакомый всем знак – солнечный диск с шестью лучами – карфагенянин то и дело нервно сжимал в потной ладони.

– Их высочество теперь, наверное, лопнет от собственной значимости, – усмехнулся стоявший неподалеку от меня игрок, одетый в несколько старомодный сюртук, какие были популярны в дни его молодости. Я знал этого человека по плакатам и газетным статьям, освещавшим знаменитые игры, но лично видел впервые – Камиль Фабер, один из самых известных игроков Франции. Ничего удивительного в том, что его команду пригласили в Лондиниумский Колизей. – На его юбилей приехали из самого Карфагена. Кто бы мог подумать, что даже язычники почтут его персону своим вниманием.

В словах Фабера было столько же яда, сколько и французского акцента. Говорил он намеренно громко, чтобы его расслышал горбоносый карфагенянин.

– Интересно, – продолжал изгаляться Фабер, – кому же выпадет честь сразиться с язычниками?

– Молись своему богу, – обернулся к нему карфагенянин, – чтобы не тебе. Иначе я сам выпотрошу тебя, как свинью, а голову замариную и в банке привезу домой. В моем роду у многих есть такие трофеи, но головы человека из-за горы нет ни у кого. Когда мы в последний раз брали такие трофеи, их принято было еще насаживать на пики и заливать смолой. Они не сохранились до наших времен – вы очень скоро портитесь на нашей жаре.

– Славно он тебя отбрил, – хлопнул побледневшего Фабера по плечу рыжий здоровяк, одетый в короткий пиджак и традиционную юбку шотландских горцев. Этого игрока я знал лично. Приходилось несколько раз сталкиваться с его командой, состоящей из уроженцев Высокогорья, на Малых играх, где бои шли затупленным оружием и до смерти не дрались. Звали горца Эбенецер Макадамс. – Витиевато, конечно, я бы проще высказался.

– Это потому, – не остался в долгу Фабер, – что вы, шотландцы, двух слов по-английски внятно произнести не можете.

– Это да, – ничуть не обиделся горец. – С болтовней туговато – обычно за нас говорят наши палаши. – И он выразительно похлопал по корзинчатой гарде висящего на поясе оружия. Хотя я знал, что на арене он отдает предпочтение другому шотландскому мечу – двуручному клеймору.

– Я буду молиться, чтобы мне выпал жребий сражаться с тобой, язычник, – произнес человек с лицом аскета, сошедшего со средневековых миниатюр. Вот его я не знал, и даже видеть нигде не приходилось.

– Много таких, как ты, сложили головы на Пиренейских перевалах, – хищно улыбнулся карфагенянин. – Твоя голова станет отличным трофеем.

Я слушал обычную перепалку. Она была чем-то вроде традиции всех игроков. Как выяснилось, ее придерживались даже по ту сторону Пиренеев. Сам я в нее никогда не вступал. Сначала стеснялся других, а после это как-то вошло в привычку. Тем более что многие командиры из присутствующих в импровизированной приемной кастеляна придерживались той же тактики.

Прождать мне в быстро пустеющей приемной пришлось не более четверти часа. Я вошел в небольшой кабинет кастеляна – собственно говоря, это и кабинетом назвать было нельзя. Просто выгородка из общей комнаты, сделанная из листов фанеры. Внутри нее за столом восседал, упиваясь собственной важностью, невысокий человек самой плюгавой внешности. Но в первую очередь мое внимание привлек клерк, сидевший за спиной кастеляна, за неким подобием компактной школьной парты. Он что-то старательно писал, высушив от усердия язык. Наверное, именно эта нарочитость и привлекла мое внимание. Не понимал я хоть убей, что надо было писать или переписывать именно сейчас. Да еще и язык этот высунутый – все слишком наигранно.

– С кем имею честь разговаривать? – преувеличенно вежливо поинтересовался у меня распорядитель.

– Граф Остерман-Толстой, – представился я. – Командир группы игроков из Российской империи, вот приглашение.

Я сразу же выложил на стол бумагу с гербовой печатью. Кастелян был немало удивлен моим внешним видом. Он-то ожидал увидеть вовсе не одетого в хороший клетчатый костюм и котелок джентльмена, да еще и представившегося графом, а по крайней мере казака в черкеске, если вовсе не заросшего по самые брови бородой мужика в лаптях и косоворотке. Он придиричливо изучил приглашение, надолго остановив глаза на абзаце, где говорилось о бесплатном проживании всей группы в казармах при Колизее. А после развел руки, вид при этом имея самый сожалеющий.

– Увы, граф, но для вашей команды уже не найдется места в казармах. Вы, наверное, видели нежданных гостей аж из самого Карфагена? Вот им-то и достались ваши места. Могу

от себя предложить хорошую гостиницу, она находится всего в полуквартале от Колизея, и цены там вполне умеренные.

И вот тут себя проявил фальшивый клерк в сером сюртуке. Он ловко перегнулся через парту, оторвавшись от письма, и принялся что-то яростно нашептывать на ухо кастеляну. Лицо при этом у клерка было очень злое – с таким обыкновенно отчитывают тупых и нерадивых подчиненных. С каждым словом, произнесенным клерком (что удивительно, я, хоть и стоял довольно близко к столу распорядителя, ни единого не услышал), кастелян бледнел все сильнее и то и дело кивал, будто китайский болванчик.

– Простите, – выдавил он наконец, когда лже-клерк откинулся обратно на своем жестком сидении, – я вас... эммм... спутал... Понимаете ли, столько людей... всем нужно место в казармах, а они, знаете ли, не резиновые.

Он сунул руку в ящик стола, порылся внутри и извлек оттуда массивный ключ, протянул его вместе с приглашением.

– Понимаю, – кивнул я, глядя на человека в сером сюртуке. Тот и не думал больше маскироваться под клерка – сидел, сложив руки, переплетя длинные пальцы.

Задерживаться дольше необходимого я в импровизированном кабинете распорядителя не стал. На выходе меня проводили завидующими взглядами другие командиры. Я так спешил, что не спрятал в карман пиджака ключ, врученный мне кастеляном. Им же вряд ли светит такой – придется довольствоваться номерами в той самой гостинице, о которой говорил распорядитель, или же совать ему взятку, чтобы получить такой же ключик. Еще неизвестно, что выйдет дешевле.

Нашей команде выделили седьмую казарму. Она была рассчитана ровно на пять человек – по давней традиции именно столько бойцов может быть в одной команде, не больше. Говаривали об отчаянных храбрецах, сорвиголовах, выходивших на арену в одиночку против полных команд, но они остались лишь в легендах – на моей памяти таких уже не было. По крайней мере тех, кто остался бы после этого жив или, тем более, вышел победителем. Уж об этом-то точно раструбили бы на весь мир газеты. После окончания Крымской кампании они долго еще смаковали позор России и с удовольствием перечисляли унижительные условия, на которые пошел наш новый император, лишь бы закончить войну поскорее. Однако это наскучило европейскому обывателю достаточно быстро. И теперь печатные издания сосредоточились на играх и игроках – больше ничего значимого в мире не происходило. Жизнь текла размеренным чередом – не ожидалось ни войн, ни катаклизмов, ни бурь, и единственным развлечением для всех стали наши бои на аренах по всему миру. Быть может, барон де Кубертен был прав, и состязания игроков позволят покончить с войнами и прочими конфликтами навсегда.

Пять коек с небольшими тумбочками, в которых мы нашли постельное белье. Одна уборная и душевая. Я подробно объяснил команде, как пользоваться хитрой системой с двумя кранами, из которых льется горячая и холодная вода, и отдельно остановился на том, что если кому-то необходимо побриться, то надо набирать полную раковину воды, заткнув ее специальной пробкой.

– Мы живем в благодатном краю, – закончил я свою короткую лекцию, – хотя бы потому, что нам не надо экономить воду.

– И они еще называют нас неумытыми, – рассмеялся Армас, – а сами, наверное, моются только в Чистый четверг.

Тарас же провел рукой по внушительной щетине на лице и бритой наголо голове – ему придется ту же всех. А перед выходом на арены все мы должны выглядеть наилучшим образом – это наипервейшая заповедь всякого игрока. Никому не интересны зачуханные, грязные, обросшие убийцы. Игрок должен быть, в некотором роде, больше чем обычным

человеком, а как будто идеалом его. Иначе чем же мы будем отличаться от простых убийц, каких можно встретить и на большой дороге, и в неблагополучном квартале родного города.

– Ладно, – решил я. – Не будем мучиться бритьем перед играми – крови на арене достаточно прольем. Завтра с утра идем в цирюльню. – Приунывший было Тарас сразу повеселел. – А сейчас всем отдыхать – из казармы никто не выходит.

– А ужин как же? – возмутился тавричанин. – Ты не забыл, командир, что мы в прошлый раз ели еще на пароходе. – Про то, что завтрака по понятным причинам не будет, он упоминать не стал.

Я вынул из кармана часы – да уж, самое время поужинать.

Ближайшая харчевня располагалась на первом этаже довольно большой гостиницы, почти все номера которой были заняты игроками из разных стран. Видимо, про нее говорил распорядитель. Я увидел тут гораздо больше знакомых лиц, чем в приемной кастеляна. За дубовыми столами ели и пили многие, против кого мне приходилось выходить в Малых играх. Наша кровавая работа объединяла людей, хотя друзьями обзаводиться в других командах было как-то глупо. В любой момент твой друг может оказаться врагом в смертельной схватке.

Свободный столик для нас нашелся легко. Правда, за ним сидела пара игроков, не знакомых мне, однако против нашей компании они ничего не имели. Мы разговор заводить с ними не стали, просто поели за одним столом, только заказав вместе большой кувшин пива. Ничего крепче ни мы, ни они не пили. С похмелья выходить на арену – это уже форменное самоубийство.

Расплатившись строго по счету, я поднялся со стула. Команда сразу последовала за мной.

Спал я в ту ночь, как всегда перед игрой, как убитый. Вот только почему-то в этот раз мне впервые за несколько лет приснился Крым.

Заметки на полях

Крымские сны

Они занимают большое место в моей жизни. Наверное, даже слишком большое для снов. Но только они дают пуск и эфемерную, но хоть какую-то надежду получить ответы на мучающие меня уже не первый год вопросы. Потому что больше никто этих ответов мне дать не спешит.

Я почти ничего не помню из событий, последовавших за нашим поражением под Арабатом. Не помню я и суда – только какие-то плохо сочетающиеся друг с другом отрывки вроде оглашения смертного приговора через расстрел и последующей его замены лишением чести, всех наград и чинов воинских.

Первое отчетливое воспоминание как раз связано с эшафотом, как будто звон ломающейся над головой шпaги привел меня в чувство окончательно.

И только сны позволяют мне возвращаться в те дни страшных боев под Арабатом последующего плена и странного судебного процесса надо мной, о котором я ничего не могу выяснить, как ни стараюсь.

В ту ночь в Лондиниумском Колизее ко мне пришел сон о плене. Он был настолько явный, что утром я чувствовал запах прелой соломы из тюфяка и отголоски боли от ран,

полученных в последнем бою за Арабат, когда союзникам наконец удалось сломить отчаянное сопротивление моего батальона.

Наверное, именно загадочное появление сэра Галахада стало причиной этого сна. Потому что во сне я увидел наше с ним знакомство. И это несколько разочаровало меня утром – ведь я и так неплохо помнил тот день, первый день моего плена.

Сэр Галахад пришел ко мне уже ближе к вечеру. Он как-то по-хозяйски огляделся в мазанке, куда меня поместили, а после запросто уселся на единственный стул. Я же, чтобы не показаться совсем уж невежей, сделал вид, что сажусь, опираясь спиной на горячую стену.

– Не утруждайтесь, граф, – отмахнулся визитер. – Ваше здоровье пускай и вне опасности, но не стоит напрягаться лишний раз без нужды. Меня зовут сэр Галахад, и я паладин Ордена. Вы, наверное, слышали о нем?

– Доводилось, – ответил я, снова опускаясь на тюфяк. Сил у меня, несмотря на почти полный день отдыха и уход врачей, не было. – Но удивлен видеть вас здесь. Что могло привести паладина Ордена на фронт? Разве вы не даете присягу держаться в стороне от войн мирских владык, сосредоточившись на вашей войне с вырожденками?

– Вы знаете о нас больше, чем многие, – в голосе сэра Галахада послышалось уважение. – Но именно подозрение в том, что Российская империя использует вырожденков в этой войне, заставило меня присоединиться к штабу фельдмаршала лорда Раглана. Я должен самым тщательным образом провести расследование, чтобы предоставить как можно больше фактов грядущему мирному конгрессу.

– А вы считаете себя уже победителями в этой войне? – спросил напрямик я.

– Да, – так же прямо ответил он. – Союзники уже победили. Севастополь пал. Вы этого, наверное, не знаете. – Я знал, но не стал перебивать сэра Галахада. – Ваш царь скончался, а новый делает все, чтобы остановить эту бессмысленную войну. Боевые действия уже прекращены, скоро последует перемирие и обмен военнопленными.

А вот это уже было для меня большой новостью. Пока жив был его императорское величество Николай Павлович, можно было уверенно говорить, что война будет вестись воистину до последней капли крови, а вот в цесаревиче я лично так твердо уверен не был. И, видимо, мои опасения оправдались целиком и полностью.

– Мирный конгресс по итогам этой войны не за горами.

– А вы на нем хотите выступить с неопровержимыми доказательствами того, что русские – не более чем полузвери.

Во мне отчего-то начала закипать злость на этого человека. Явился сюда доказательства собирать байкам и страшилкам, которыми пугают детишек за границей. После этого конгресса от России, наверное, и памяти не останется, а нас, русских, просвещенные европейцы начнут травить по лесам, будто в самом деле дикое зверье.

– С этим вы пришли ко мне?

– Нет, – покачал головой сэр Галахад. – Я вижу перед собой человека вполне грамотного и образованного, чтобы разговаривать со мной на одном языке. Таким чистым произношением могут похвастаться далеко не все жители Альбиона. Однако вы, именно как человек образованный, просто не можете отрицать очевидных фактов.

– Например?...

Я намеренно не закончил фразу, давая паладину возможность продолжить. Однако сэр Галахад вместо этого пустился в пространные объяснения:

– Согласно легенде, наш Орден был создан после того, как римляне покинули Британию, уйдя с Адрианова вала. Рыцари короля Артура, объединившись за Круглым столом, решили, что для борьбы с кельтами, постоянно смешивавшими свою кровь с кровью животных, нужна сила, – и этой силой стал Орден. А полулюдей-полузверей стали с тех пор звать вырожденками, и неважно, кем они были – кельтами, бриттами или саксами, что вскоре при-

плыли с материка. У нас нет никакого святого покровителя, потому что дела наши тайны и жестоки. Мы принимали участие в Крестовых походах, но лишь для того, чтобы бороться с вырожденками, каких было много в армии у того же Саладина, несмотря на запрет ислама на подобное кровосмешение.

– Я неплохо знаком с историей вашего Ордена, сэр Галахад, – не слишком вежливо прервал его я. – Моим любимым местом в Крестовых походах было противостояние вашего предка или человека, носившего то же имя, что и вы, и воина по прозвищу Лев, сражавшегося в армии Саладина. Того, что был на две головы выше любого человека и обладал силой, ловкостью и жестокостью этого зверя.

– Тогда вы должны как никто понимать опасность, что несут вырожденки всему миру, граф!

– Но я не понимаю, при чем тут мы, русские. Со времен Крещения у нас никто не балуется подобным кровосмешением. Князь Владимир Святой сжигал целые города в назидание, если в их стенах находили вырожденков. Поверьте, после таких мер их у нас осталось не больше, чем в любой цивилизованной стране, скажем в Британии или во Франции.

– Уверен, что стоит проверить ваших казаков. Они внушают весьма серьезные опасения.

Ну вот мы и добрались до сути – драгоценного зерна нашей беседы. Я бы рассмеялся, если бы не слабость от ран. Мне и дышать-то было больновато.

– Зря вы улыбаетесь, граф, – видимо, тень эмоций все же отразилась на моем лице, – с вырожденками нельзя шутить. Вы же знаете, должны знать, к чему привели эксперименты доктора Моро! Я видел вырезанные патрули и целые заставы – это результат действий ваших казаков. Ни один человек не способен так легко пробраться во вражеский стан, сделать свое дело и скрыться незамеченным. Их кровь явно не чиста.

– Вы уверены, мистер, – мне почему-то совсем расхотелось называть его по имени, – что нет таких людей во всем мире? Что дело именно в крови животных, текущей якобы в венах казаков, а не в их выучке?

– Да, граф, уверен – целиком и полностью.

– Тогда, быть может, стоило бы проверить гуркские полки вашей собственной армии? Или зуавов маршала де Сент-Арно, хотя я сам могу подтвердить, что у последних кровь самая что ни на есть человеческая. Мне пришлось с ними столкнуться в самом начале обороны Арабата. Никакими особенными качествами, которые отличали бы их от людей, эти зуавы не обладали. За всех, впрочем, не поручусь.

Я с удовольствием наблюдал за тем, как породистое лицо сэра Галахада бледнеет от гнева. Однако уж чем-чем, а воистину британской уравновешенностью он обладал в полной мере. Лишь заливающая лицо мертвенная бледность выдавала его. Он дал мне договорить, не став перебивать. Не уверен, что поступил бы так же, окажись на его месте. После того как я замолчал, сэр Галахад поднялся на ноги.

– Мне жаль, – только и проронил он и вышел, не прощаясь. Впрочем, и вошел он, не поздоровавшись.

Поднялись все на следующее утро затемно, как всегда перед схваткой. Почти сразу, едва только умывшись, каждый занялся своим оружием. Наверное, точно так же поступает каждый игрок. Ведь уже очень скоро – спустя считанные часы – от этого самого оружия будет зависеть твоя жизнь и жизни твоих товарищей.

Князь и Армас разобрали свое стрелковое оружие, разложив его на кусках промасленной ткани, и внимательно оглядывали каждую деталь, протирая, смазывая или же просто откладывая в сторону. Армас отдельно возился с катушками, проводами и спиралями своего карабина. Не знаю уж, много ли он понимает во всей этой машинерии с электрикой. По мне так для этого, как минимум, инженерное образование необходимо, однако карабин его еще ни разу не подводил – это факт. И меня он устраивает целиком и полностью. Карт-

лиц-стрелок же перебирал детали своих арбалетов, проверял болты и тетивы, долго возился с механизмом взведения.

Стальную руку – мощную, как паровой молот, – Тарас также разобрал. Несмотря на то что деталей в ней было поменьше, ухода она требовала куда большего, ведь постоянно подвергалась физическому воздействию. На ней красовалось не меньше двух десятков зарубок – память о принятых ударах вражеских мечей и сабель, и это только самые свежие, которые появились после очередного серьезного ремонта.

Корень сидел отдельно, наводя блеск на свои кинжалы и ножи. Их у него было намного больше, чем я забрал вчера. Не сомневаюсь, что он сумел припрятать парочку. Длинная и тяжелая шашка его до поры лежала отдельно в ножнах – ею он всегда занимался в последнюю очередь и с особой любовью.

Я же снял чехол со своего тесака. Иначе это оружие назвать было сложно. Я не представлял, как классифицировать его. Меч, алебарда, боевой топор или бердыш. Рукоятка у него короткая для древкового оружия, но длинная для обычного боевого топора. Широкое и тяжелое лезвие крепится к ней в двух местах. Одной рукой его надо держать между ними, что особенно удобно, когда принимаешь вражеские удары. Лезвие само необычной формы и явно выковано было когда-то на заказ. Ни у одного известного мне образца холодного оружия ничего подобного просто нет. Прямое и длинное, как у опасной бритвы, с острым шипом на обратном конце, которым я не раз вполне удачно пользовался в схватках. Из-за весьма внушительной толщины лезвия оружие получилось тяжелым – без серьезной физической подготовки им долго не помашешь.

Но самым главным достоинством моего тесака был его устрашающий внешний вид. Порой одного взгляда хватало противнику, чтобы живо представить себе, во что может превратиться его такое вот жуткое оружие. Сам помню подобные чувства, когда под Арабатом его вынул из чехла предыдущий владелец, вызвавший меня на поединок.

Особого ухода тесак не требовал. За все годы, что я им владею, точить его режущую кромку приходилось всего несколько раз. Конечно, после каждого боя на ней оставались зарубки разной глубины, однако заровнять их никакого труда не составляло. И все это надо было делать уже после боя, а перед ним я только вынимал тесак из чехла да проходил по всему его хищному лезвию промасленной тряпичкой.

Я глянул на карманные часы – до вызова на арену оставалось около часа.

– Сворачиваемся, – велел я команде. – Все, кому нужно в цирюльню, за мной.

Суеверный Армас никогда не брился перед схваткой, как и многие игроки, считая, что так спугнет удачу, а потому даже не отвлекся от своей возни с карабином. Я прощал ему подобные вольности, зная, что в бою он услышит каждое мое слово и беспрекословно подчинится ему. Корень провел ладонью по щетине, однако счел ее недостаточной для того, чтобы бриться. А вот Вахтанг с Тарасом тут же принялись спешно собирать свое оружие. Не прошло и пяти минут, как они были готовы отправиться со мной в город.

Цирюльню я заметил, когда мы ходили ужинать. На ее вывеске красовался джентльмен с роскошными усами, но почему-то с наголо обритой головой. Из-за этого он был очень похож на Тараса. Тавричанин уделил особое внимание вывеске, когда мы подошли к цирюльне.

– Ну прям как с меня писано, – усмехнулся он, сняв шляпу и проведя ладонью по бритой макушке.

Внутри оказалось сразу три свободных кресла, что подходило как нельзя лучше. Хозяин цирюльни обрадовался нам, будто родным.

– Чего желают достойные джентльмены? – спросил он, подсакивая к нам с отменной резвостью.

– Джентльмены желают побрить лица, – ответил я, без церемоний усаживаясь в кресло, – а один из нас еще и голову.

– Конечно-конечно, – засуетился хозяин цирюльни. – Проходите, присаживайтесь. Все будет сделано по высшему разряду, не будь я мастер Эбнер Гриффин.

Не прошло и минуты, как на нас троих накинута хрустящая простыня, откуда-то, словно по волшебству, появились еще два мастера и целая толпа obsługi. В медных тазах исходила паром горячая вода. На столиках раскладывали инструменты, сделавшие бы честь инквизиторам Святого престола, зловеще поблескивающие в ярком свете электрических ламп. Нам намылили лица, а Тарасу сразу еще и макушку, предварительно хорошенько пропарив раскаленными полотенцами. И тут принялись за работу мастера. Только Корень умел управляться с заточенными стальными игрушками столь виртуозно, как они. Наши лица почти не поворачивали – мастерам не приходилось ни просить об этом, ни вертеть за нос, и уж тем более, обошлись без огурцов. Цирюльники буквально танцевали вокруг нас, движения их были быстрыми и отточенными – редко у каких игроков я видел подобные. А как только бритье было закончено, нас обдали целыми облаками разнообразных душистых ароматов, среди которых я узнал неизменно модный среди игроков «Ахилл и Гектор», и почти театральными движениями сорвали белые покрывала. Качество работы можно было оценить в очень больших зеркалах, и у самого придирчивого клиента оно бы не вызвало нареканий.

Я расплатился с хозяином цирюльни, накинув немного за качественное, а главное, быстрое обслуживание. Правда, после этого денег осталось впритык – только на обязательный взнос и хватит, ведь земля на британских кладбищах достаточно дорогая, а именно на это и шли деньги из обязательного взноса. Хоронить игроков бесплатно никто не собирался.

В казармы мы вернулись как раз вовремя. Забрав оружие, я запер за своими бойцами дверь, по дороге закинув ключ кастеляну. На сей раз никакой очереди не было. Да и выгодно разобрали – распорядитель сидел в углу большого помещения. Исчезла и парта вместе с клерком в сером сюртуке.

К помещениям перед самой ареной мы подошли, когда маятник на вершине Колизея отсчитывал последние минуты перед началом первой схватки. Распорядитель арены, одетый куда в более новый мундир, нежели кастелян, с золотым галуном и роскошным аксельбантом, выделил нам места. Теперь начиналось самое сложное в нашем деле – ожидание.

На то, чтобы сменить обычную одежду на боевую, уходит максимум пятнадцать минут, да и то если не особенно торопиться. Сложных костюмов ни у кого в моей команде нет. Никто из нас не страдал любовью к излишней вычурности, как некоторые другие игроки. Корень носил обычный чекмень казака-запорожца с серебряными газырями – такими видят едва ли не всех нас, русских, за границей. Армас не расставался с егерским мундиром, дополненным только кожаными наручами да наплечниками, крепящимися поверх портупей, удерживающей мощную батарею его карабина. Ломидзе же отдавал предпочтение одежде далекой родины – короткая куртка картлийца была украшена газырями, рукава и у нее, и у нательной рубахи высоко закатаны. На руках – перчатки с обрезанными пальцами, чтобы легче было выхватывать болт и перезаряжать арбалеты, не поранившись при этом о тетиву. Портупея у него была не столь мощной, как у Армаса, ведь крепился к ней только внушительных размеров колчан, из которого торчали оперенные болты. В похожую куртку, только без газырей, облачился и Тарас – с моей помощью прицепил железную руку, проверил ее, повертев запястьем, сделал пару быстрых выпадов. Еще в казарме он сменил туфли на прочные ботинки со стальными носами и шипами на подошве – очень удобная обувь в рукопашной схватке. Я тоже расстался со своим костюмом и надел куртку с меховым воротником, крепкие штаны и сапоги, оставшиеся еще со времен службы в армии. С тех же пор остался и не раз чиненный кожаный нагрудник, в некоторых местах укрепленный сталью. Многие тяжелые бойцы носят закрытые шлемы, однако я предпочитал не сужать обзор во время схватки

– ведь от этого зачастую зависела моя жизнь и судьба всего боя. Никогда не знаешь заранее, кому из бойцов придется прийти на помощь.

Мы переоделись, еще раз проверили оружие. Теперь оставалось ждать. Только ждать.

По старинным правилам, придуманным задолго до барона де Кубертена, игрок – тогда он еще честно назывался гладиатором – не должен знать двух вещей: как идет схватка и кто будет его противником. Поэтому мы сидели в закрытом помещении без окон и дверей, в которое не проникал ни единый звук. Сидели в расслабленных позах, всем своим видом показывая, что нам наплевать на тянущееся бесконечно ожидание. И перед кем красовались – непонятно. У каждого внутри творилось черт знает что. Кишки как будто льдом заливало, и они отказывались спокойно лежать в брюхе, непрерывно извиваясь, доставляя при этом самые неприятные ощущения.

Сколько не жди – дверь всегда открывается внезапно. Медленно железные створки поползли в разные стороны. Я первым подхватил оружие и направился к выходу. Так заведено – на арену командир всегда выходит первым.

Сделал несколько шагов по арене. Ее уже успели убрать после предыдущего боя. Под сапогами скрипел новенький чистый песок. Мне не надо было оборачиваться, чтобы узнать – бойцы шагают следом, строясь в привычную линию, а точнее шеврон. На полшага сзади слева и справа от меня – Корень и Тарас. На флангах – Армас и Вахтанг. Оружие у всех наготове, но пока опущено. Ведь врага не видно.

Трибуны встретили нас криками и свистом. Конечно, мы, русские, никогда не в чести у британцев. Но пусть их свистят – с нас не убудет. А оскорбительных выкриков все равно не слышно, да и не поймет их никто в команде, кроме меня.

Я остановился первым, закинув на плечи тесак. Врага все еще не было видно, и потому я прислушивался к радостным крикам комментатора.

– Вот они, воины русского царя, жестокие варвары, противостоявшие Британской империи в Крыму! – надрывался он.

Я чувствовал, для нас заготовлено нечто особенное – бой по злободневным мотивам недавней войны.

– Они готовы до последней капли своей крови оборонять форпост на берегах Черного моря – Севастополь! И вот их противник! – Голос комментатора такой громкий, что, кажется, сейчас сорвется в надсадный крик. – Вас, леди и джентльмены, ждет новый сюрприз этого вечера!

На поле медленно выезжали закованные в броню всадники. Очень хорошо знакомые мне всадники.

– Эта пятерка не профессиональные игроки! Это воины ордена Готских рыцарей, принявшие приглашение их Великого магистра, нашего возлюбленного принца Альберта Саксен-Кобург-Готского, участвовать в играх по случаю его сорокового дня рождения!

Я позавидовал мощи легких комментатора. Выдать такую длинную фразу на одном дыхании – это воистину достойно уважения.

– Русские против Готских рыцарей! Мы представляем для вас, леди и джентльмены, реконструкцию сражения под Севастополем! Вы своими глазами увидите истинный триумф цивилизации над варварством!

Я смотрел на этих закованных в сталь с головы до ног всадников – и на самом деле как будто вернулся в прошлое. Под ногами песок, так похожий на крымскую мелкую пыль, а передо мной разворачивается пятерка Готских рыцарей. Длинные копья подняты вверх, на каждом трепещет баннер с личным гербом. Доспехи не сверкают на солнце – ведь Лондиниум день и ночь затянут туманом и смогом. Но и в этом тусклом свете они производят впечатление. Щитов нет, вместо них укрепленный левый наплечник, какой не возьмет и стрела

из баллисты. На поясах длинные мечи, рукоятки торчат едва ли не из-под мышек. Кони тоже закованы в сталь по самые глаза.

Вообще-то считается неприличным устраивать поединки пеших и конных воинов, однако никаких правил против этого нет, а значит, нынешнее наше избиение, учиненное во славу Великого магистра Готских рыцарей, ничем не грозит устроителям игр. Да и были бы правила, напрямую запрещающие подобное, на них наплевали бы с высокой колокольни. Есть люди, которые сами устанавливают правила игры, и уж точно принц-консорт одной из самых сильных держав современного мира относился к таковым.

– Я так понимаю, – спокойно произнес Корень, – сейчас нас будут убивать.

– Как и всегда, – ответил я, даже не повернув голову в его сторону.

Сейчас моим вниманием владели враги. Они пустили коней шагом, потом медленной рысью, неспешно набирая скорость для смертоносного удара тяжелыми копьями, и только за полсотни сажений сорвались в галоп.

Первым «заговорил» карабин Армаса. Пули защелкали по броне несущегося на него рыцаря – вроде бы без цели и результата, совершенно хаотично. Но я знал – наш стрелок не просто так тратит драгоценный заряд батареи – он прощупывает броню врага, причем в самом прямом смысле. Ищет в ней уязвимые места, куда можно будет всадить пулю.

Почти тем же занимался сейчас и Вахтанг. Вот только, в отличие от ингерманландца, уроженец Картли и не думал стоять на месте. Он рванул в сторону, уходя с линии атаки разогнавшегося Готского рыцаря. Арбалеты его выстрелили синхронно, выпустив во врага пару болтов, отскочивших от брони нагрудника.

А вот Тарас с Корнем ринулись напрямик на врага. Миг – и оба проскочили мимо меня парой смертоносных вихрей. Еще миг – и оба подскочили почти синхронно, будто договорились заранее. Движения Корня были столь быстры, что я попросту не замечал их – для этого надо было внимательно следить, а не краем глаза. Я успел разглядеть только слетевшую с головы запорожца папаху. Зато Тараса мне было видно очень хорошо. Разогнавшись, тавричанин прыгнул вперед и вверх. Я отлично знал этот прием, ему обучил Тараса сам легендарный Виктор Зангиев по прозвищу Красный Циклон. Обе ноги тавричанина, обутые в тяжелые ботинки с подбитыми сталью подошвами, врезались в нагрудник Готского рыцаря. Треск позвоночника несчастного всадника мне, наверное, почудился – ведь я никак не мог услышать его. Высокая задняя лука седла не помогла рыцарю удержаться на коне. Комично взмахнув ногами, он полетел на землю, рухнув с грохотом и лязгом стали. А следом прямо на него приземлился Тарас и обрушил на шлем несчастного свой стальной кулак.

Всадник, несущийся на меня, не обратил на это внимания. Наверное, и не увидел. Смотровая щель в его шлеме была совсем невелика. Он скакал прямо на меня, опустив копье, и торжествовал. Потому что не может пеший воин, даже с устрашающего вида тесаком в руках, противостоять закованному в сталь Готскому рыцарю. Он уже видел в своих мечтах, как наконечник копья пробивает мою грудь и окровавленный выходит из спины, и я оказываюсь наколот на него, словно бабочка на булавку. Но я не оправдал его надежд. Скинув с плеч тесак, я плавным движением ушел в сторону и присел, пропуская наконечник копья над левым плечом. И тут же рванул вперед – навстречу врагу, вскидывая оружие.

Время словно замедлило свой бег. Я во всех деталях успел разглядеть узорчатую резьбу на доспехах моего врага. Тело делало все само – без участия разума. Сейчас в нем не было никакой надобности. Широкий уродливый клинок моего тесака мучительно медленно приближался к лошадиной шее. Он врезался в нее, легко разрезая не особенно толстую броню, защищающую ее. Я пробовал выпрямлять ноги, напрягая руки до боли – жуткой, чудовищной, разрывающей каждый мускул. И вот клинок преодолел сопротивление стали и плоти – конская голова отделилась от шеи, а клинок продолжил свой полет. Ему мало крови, он хочет еще. Он врезается в горжет рыцаря, легко разрубает его, отделяя теперь уже человеческую

голову от тела, казалось бы, безо всякого сопротивления. Но мои мускулы говорят – да что там, они просто орут! – об обратном. В этот раз от них потребовалось просто невероятное усилие. Однако результат превосходит все ожидания. Две головы – человеческая и конская – летят, медленно вращаясь и обильно поливая все вокруг кровью. Тело коня, еще не понимающее, что уже мертво, делает по инерции несколько шагов и валится на песок арены. А тот стремительно начинает впитывать кровь.

Я снова огляделся, чтобы узнать общую ситуацию. Но моего вмешательства не требовалось нигде. Схватка оказалась очень короткой.

Тарас все еще сидел на трупе Готского рыцаря, шлем которого был разворочен несколькими могучими ударами. Корень стоял с совершенно безучастным видом, как будто валяющийся у его ног закованный в сталь воин никакого отношения к нему не имел. Горжет рыцаря был пробит аккуратным, хирургически точным ударом, и сверкающий нагрудник пачкала кровь. Еще один рыцарь даже после смерти не покинул седла – из забрала шлема торчал арбалетный болт. Конь остановился, более не понукаемый острыми шпорами, и всадник держался на его спине только благодаря высоким лукам седла. Армас же буквально изрешетил шлем, горжет и верх нагрудника своего врага пулями. Наверное, почти все они отскочили от прочной брони, не причинив вреда рыцарю, но нашлись одна или две, что не расплющились, а пробили-таки доспехи. Он выпал из седла, зацепившись ногой за стремя, и теперь конь волочил его по песку.

Я посмотрел на отсеченную голову моего врага. Она вывалилась из шлема, и я легко узнал в помертвевших чертах аскетичное лицо воина, сказавшего, что будет молиться, чтобы Господь свел его в схватке с карфагенянином. Однако кое-кто распорядился совсем иначе – и я сомневался, что к этому приложил руку Всевышний, скорее уж люди вроде клерка в сером сюртуке.

А после взгляд мой привлекло движение в королевской ложе. Августейшие особы сидели достаточно близко, чтобы как следует видеть арену, и с арены их тоже было отлично видно. Я без труда узнал во вскочившем на ноги немолодом уже человеке, одетом в парадный мундир, украшенный многочисленными орденами, принца Альберта – можно сказать, виновника торжества. О его желудочно-кишечной инфекции благодаря газетам знал весь мир, и я был уверен, что сегодня из-за нас он заработал очередное несварение. Сейчас же принц-консорт Британской империи стоял прямой, как палка, и глядел на нас с такой ненавистью, что я понял – Лондиниум, да и острова в целом надо покинуть как можно скорее. Ведь царственные особы зачастую весьма мстительны, а мне вовсе не хотелось пробовать на вкус месть принца Альберта.

Глава 2

В гостях у ордена

Меньше, чем сэра Галахада, хотелось видеть только подосланных любителями серых сюртуков наемных убийц. Хотя что-то мне подсказывало – очень скоро я могу изменить свое мнение, и изменить кардинально. Паладин Ордена встретил меня у самой кассы, где я старался как можно быстрее получить деньги за победу в схватке и уже прикидывал, как бы поскорее добраться до порта и купить билеты на материк. Лондиниум меня более никоим образом не привлекал. Вот только у сэра Галахада был иной взгляд на эти вопросы, и вряд ли он придется мне по душе.

– Я бы тоже не задерживался в Лондиниуме на вашем месте, граф, – кивнул он, как всегда обойдясь без приветствия, – однако вам все же придется остаться.

– Что же задержит меня?

Я уже пересчитал бумажные фунты и упрятал их в портмоне. Осталось только нанять катер до порта. Быть может, посчастливится поймать того же Смита – владельца «Авроры», хваставшего, что она у него самая быстрая на всей реке. А если не удастся, то прыгать в метро, хотя в его подземельях я вряд ли буду чувствовать себя так же спокойно, как на воде.

– Пара небольших пунктов в приглашении на турнир, – заявил сэр Галахад. – Они были включены туда по просьбе Ордена, и его высочество решил нам в ней не отказывать. Правда, их не включили в краткий текст приглашения, разосланного всем предполагаемым участникам, но вы всегда могли ознакомиться с его полным вариантом в любом посольстве, консульстве и даже торговом представительстве Британии. К тому же в каждом приглашении была сделана специальная ссылка на то, что текст его не полный.

Я почувствовал, что меня зажимают стальные челюсти капкана.

– Думаю, в суде мы смогли бы выиграть, – протянул я.

– Не исключаю такой возможности, – кивнул Галахад, – однако сколько он будет длиться – неизвестно. У вас хватит призовых на услуги адвоката? Они у нас чертовски дорого дерут даже со своих, а уж с иностранца – и вовсе три шкуры.

– И для чего вам понадобились игроки, которые переживут схватки? – сдавшись, поинтересовался я.

– Об этом вы узнаете завтра, граф, а сегодня я приглашаю вашу команду отдохнуть вместе с другими игроками в обители Ордена, – он сделал вид, что собирается уходить, но неожиданно обернулся и добавил: – И, кстати, мы пригласили к себе далеко не всех, а только лучших из тех, кто пережил игры. Неудачники, растерявшие бойцов, нас не интересуют.

Мои бойцы без особого энтузиазма восприняли перспективу остаться в Лондиниуме, и я отлично понимал их. Вот только рота королевских гвардейцев, ненавязчиво окружившая казармы Колизея, и несколько воститительных кебов говорили сами за себя. Удрать по-тихому не получится, а прорываться с боем через половину британской столицы – глупее ничего не придумаешь. Мы, конечно, все профессиональные бойцы, но бунт поднимать никто не собирался. Не было среди нас новых Спартаков, да и быть не могло. Ведь мы давно уже не были рабами-гладиаторами – мы были вольными игроками хотя бы с иллюзией свободы выбора. Правда, даже иллюзий нам часто не оставляли – вот как сегодня, например.

Я глядел на ровные ряды алебардистов в красных мундирах, стальных кирасах и шлемах-капеллинах⁴ с треугольными забралами. Между ровными рядами взводов замерли, стоя на колене, арбалетчики, одетые в вареную кожу поверх тех же мундиров и капеллин, но без

⁴ *Капеллина*, или *шапель*, – общее название наиболее простого вида шлемов в виде металлических колпаков с полями.

забрал. Свое мощное оружие они держали опущенным, но я был уверен – на то, чтобы взвести его и дать слитный залп, у них не уйдет много времени.

– А я думал, они медвежьи шапки носят, – удивился простодушный Тарас, глядя на окруживших казармы солдат.

– На парадах и прочих церемониях – носят, – заверил его я.

– Значит, кое от кого ждут все-таки сопротивления, – хищно усмехнулся, подкрутив длинный ус, Корень.

– Не ждали бы, – заметил Вахтанг, – не стали бы и солдат сюда стогнать.

– Зачем мы им только понадобились? – развел руками Армас. – Если даже не лаской, так таской хотят себе заполнить.

– А вот можешь спросить у него, – махнул Корень рукой на рыцаря Ордена, стоявшего ближе всего к кебам. – Он тут явно отвечает за то, кого пропустить в город, а кому с ними ехать.

Форма этого рыцаря отличалась от той, в которой ходил Галахад. Она больше походила на мундир французского королевского гвардейца – то же сочетание синего и белого цветов и горжет позолоченный, без красного креста Святого Георгия. Сам рыцарь был моложе Галахада, и что-то неуловимое отличало его от уроженцев Альбиона. Стоило же подойти поближе, как я расслышал в его речи отчетливый французский акцент.

– Граф Остерман-Толстой? – поинтересовался он больше для проформы, когда я с командой подошел достаточно близко.

Я кивнул, но ничего говорить не стал.

– Маркиз Лафайет, – представился рыцарь Ордена, протягивая мне руку в перчатке.

Никогда не понимал этого обычая. Или уж: не подавай руки, если так холодно, или потрудись перчатку все же снять. Но в чужой монастырь не лезут со своими уставами, а потому я пожал протянутую руку. – Я тут вроде распорядителя, слежу, чтобы кому следует достались кебы. Ну и чтобы наши жулики с вас платы не взяли, если потребуют, знайте, за все заплачено Орденом. Не давайте этим пройдохам ни пенни, – он похлопал по черному борту ближайшего кеба. – Вот этот – ваш, кебмен знает, куда ехать.

– Благодарю, – кивнул ему я и велел команде забираться во вместительное нутро кеба. – Я так понимаю, вы француз, и явно не из местного капитула Ордена. Должно случиться нечто из ряда вон выходящее, чтобы не просто собрали рыцарей из других стран, но еще и игроков привлекли на не особенно добровольных началах.

Лафайет быстро улыбнулся мне, как будто я отпустил какую-то смешную шутку, от чего его тонкие усики дернулись, словно жили собственной жизнью. Но сказал он только:

– Вам все расскажут в резиденции. Поверьте, сэр Томас не станет держать вас в неведении дольше необходимого.

Он кивнул мне и тут же обратился к следующему подошедшему игроку. Уже садясь в кеб, я узнал в нем горбоносого командира карфагенян. Тот был недоволен сложившейся ситуацией, и приветливая улыбка на лице маркиза Лафайета вряд ли могла хоть как-то исправить дело.

Кеб оказался весьма хорош – нас совсем не трясло, пока мы катили по мостовой к неведомо где расположенной резиденции Ордена. Окошки в кебе были плотно занавешены, но вряд ли из соображений секретности, скорее всего, просто для того, чтобы хоть как-то оградить пассажиров от вечного лондиниумского смога. Эфемерная, конечно, защита, но лучшей все равно нет.

– Теперь нас всех будут проверять – не выродки ли? – В голосе Корня звучала злость, казалось, сейчас рядом со мной сидит волк и глухо рычит, оскалив клыки.

– Вряд ли, – покачал головой я. – Проверять бы если что начали еще до игр. А то выходит как-то некрасиво. Если выродки окажутся среди победителей, вряд ли это удастся

скрыть. Да и оружие у нас не забрали, значит, мы в крайнем случае сможем подороже продать свои жизни.

– Уж я на кровь не поскуплюсь, – пообещал Корень.

– Говорю тебе, вряд ли до этого дойдет, – попытался успокоить его я.

– А тогда для чего всю эту канитель устроили?

– Да откуда мне знать? – развел руками я. – Но если бы все было как ты говоришь, то нас бы вряд ли далеко от казарм увозить стали. Там бы на месте и устроили... – Я сделал неопределенный жест рукой, сам слабо представляя, что такого могли бы устроить британцы.

Но Корня мои слова не убедили. Весь оставшийся путь мы проделали в тяжком молчании. Болтать не хотелось никому. И усталость после боя, пускай и короткого, но очень выматывающего, наваливалась, и неизвестность давила ничуть не меньше.

Когда кеб, наконец, остановился, мы быстро покинули его. Все держали руки на оружии, хотя это и могло обеспечить нам уйму неприятностей. Однако перед массивными дверьми большого особняка, во дворе которого нас высадили, стоял только высокий старик в мундире Ордена, правда, с золотыми звездочками и короной на погонах из кольчужного полотна. Лицо его, украшенное аккуратно подстриженной, но весьма густой седой бородой, было весьма суровым и, похоже, иного выражения попросту не ведало.

– Не стоит делать столь угрожающих жестов, господа, – произнес он. – Здесь, в обители Ордена, у вас нет врагов. Я – сэр Томас Мэлори, магистр Ордена, и, предупреждая возможные вопросы, – да, прямой потомок нашего основателя.

Я бегло переводил сказанное им на русский, чтобы понимали остальные бойцы команды. Последние слова сурового старца вызвали неподдельное удивление Тараса.

– А я думал, им нельзя... того, семью заводить, celibat этот, или как его там?

– Здесь не католическая страна, – объяснил ему я, – и даже священникам можно жениться, как у нас, если только не черноризец, но у них монахов и монастырей нет вовсе.

– Все в нашем роду служат Ордену, а первенец мужского пола по традиции нарекается Томасом – в честь основателя.

– Это весьма интересно, сэр Томас, но, быть может, вы расскажете, для чего пригласили нас в обитель, да еще и в столь ненавязчивой манере?

– Несколько позже, – преспокойно ответил тот. – Не хочу повторять всем прибывающим одно и то же, а пока мы ждем остальных приглашенных, вы можете располагаться в любых комнатах на втором этаже особняка. Раз вы первые, то выбирайте вольно, никакие ни за кем не закреплены. Только прошу не занимать более двух – именно столько выделено на каждую команду.

– Думаю, мы обойдемся и одной, – кивнул я сэру Томасу.

Мы прошли в особняк, а магистр Ордена остался стоять, будто прижизненный памятник самому себе.

Комнаты на втором этаже оказались не похожи на монастырские кельи, а походили на удобные номера в не самых дешевых, хотя и не роскошных гостиницах. Каждая была рассчитана только на трех человек, но я был уверен, что мы вряд ли надолго задержимся тут.

Мы расположились в комнате, однако никто вещей распаковывать не стал. Все ждали развития событий, и ночевать в особняке Ордена никому не улыбалось.

– Интересно, а пожрать дадут? – спустя четверть часа задал вопрос Тарас. – У меня уже в брюхе бурчит. Сколько мы без еды, командир?

– На обед не приглашают, как видишь, – Корень был злее осы и явно хотел сорвать свой гнев на ком угодно, хотя бы и на товарище по команде. – И в харчевню пожрать вряд ли отпустят.

– Тут Корень прав, – перехватил инициативу я, не давая разгореться ссоре. – Придется потерпеть пока, но вряд ли нас собрали тут, чтобы уморить голодом.

– С этих станется, – буркнул Тарас. – Накормят овсянкой – и весь сказ, а русскому человеку овсянка та – что за еда? Тьфу, и думать не хочется. Сейчас не пост, чтобы жидкой кашей питаться.

– А то ты посты соблюдаешь, – рассмеялся Армас. – Мы же все время в дороге или от ран оправляемся, ни один батюшка ничего нам не скажет за мясо в пост.

– Ну вот! – хлопнул себя по ляжке Тарас. – А тут голодом морят, хуже чем в монастыре, ей-богу. А ты еще говорил, командир, что здесь монастырей нету. Да эта Британия, провались она на дно морское, хуже всякого монастыря будет!

– Хватит шуметь, – оборвал нас Корень. – К нам идут.

Уже не один раз мы слышали звук шагов по коридору, но до этого запорожца он не настораживал. А я привык доверять его чутью. Все притихли, и меньше чем минуту спустя в нашу дверь вежливо постучали.

– Входите, – сказал я, однако визитер предпочел только отворить незапертую – ключей нам не выдали – дверь и остаться на пороге.

Им оказался высокий старик в синей ливрее с вышитым напротив сердца крестом Святого Георгия. Он вежливо склонил голову и обратился к нам на безукоризненном английском:

– Магистр Мэлори приглашает его сиятельство графа Остермана-Толстого на совещание.

– Прежде чем уйти, – заявил я, – должен знать, накормят ли моих людей.

– Я пришлю слугу, чтобы он проводил ваших людей в трапезную, – тем же ровным тоном произнес визитер, – там для всех приготовлен стол. Вам же подадут легкие закуски на самом совещании, а после него вы вольны будете присоединиться к своим бойцам.

– Благодарю, – кажется, при общении с дворецким – а кто это еще мог быть? – я невольно перенял его церемонный тон. – Идемте.

Машинально оправив костюм, я последовал за ним. Кабинет для совещания располагался на первом этаже, в глубине особняка. В большом помещении главенствовал стол. Невероятных размеров сооружение, занимающее большую часть свободного пространства. На столешнице его помещался подробный план Лондиниума с тянущимися вверх башнями Вестминстера, Тауэра и Биг-Бена, а еще искусно выложенными кирпичными трубами многочисленных заводов. Под ними раскинулись дворцы королевской фамилии, дворянские особняки, похожие на сундуки купеческие дома и целое море домов попроще. Я сразу обратил внимание, что один район города отделен от остальных – его опоясывала красная лента, уложенная вдоль улиц. Я не был большим знатоком Лондиниума, а потому мог понять лишь, что отделенный район никак нельзя отнести к богатым да и вообще хоть сколь-нибудь благополучным.

Вокруг стола собралась весьма пестрая компания. Мы разглядывали друг друга с неподдельным интересом. В каждом из пяти собравшихся тут, не считая знакомых уже мне рыцарей Ордена, я легко опознал профессионального игрока, а точнее капитана команды, что неудивительно. Я был самой непримечательной личностью, разве только офицер в красном мундире с незнакомыми мне нашивками рода войск мог бы состязаться со мной в этом качестве. А вот остальные трое выглядели крайне экзотично.

Конечно, тут присутствовал горбоносый карфагенянин, одетый, как и я, в дорожный костюм, но длинная, тщательно завитая борода и смуглое лицо, не растерявшее природного загара даже в здешнем климате, привлекало взгляд. Рядом с ним стоял другой уроженец Пиренейского полуострова, вот только был он не карфагенянином, а баском. На лице его было настолько злобное выражение, что казалось, он готов вцепиться в глотку всякому, кто

не так глянет на него. Даже в помещении баск вопреки правилам хорошего тона не расстался с кепкой, лихо заломленной за ухо на манер берета. Хотя что мог баск знать о хороших манерах – карфагеняне держали их, как и иберов, на положении полурабов, если не совсем рабов, и баски служили им лишь для одной цели – убивать.

Рядом с этой парочкой стоял уроженец Дальнего Востока – китаец или японец, я не слишком часто встречал выходцев оттуда и потому не мог определить точно. Одевался он вполне европейски, но желтоватый оттенок кожи и разрез глаз не скрыть под пиджаком и брюками. Да и костюм был ему не слишком по нраву, он привык к совсем другим, не так сковывающим движения. Это читалось едва ли не в каждом его произвольном движении.

Последним был уроженец Нового царства – египтянин с бритой головой и заплетенной в косу бородкой. Он старался держаться равно далеко от всех нас, будто боялся подцепить заразу. Его кожа имела бронзовый оттенок, за который женщины так любят солдат колониальных войск. На бритой голове – ни единого волоска, так чисто не брили даже в лучших цирюльнях Лондиниума. Элегантный песочного цвета костюм египтянин носил с легкостью настоящего денди, значит, он был выходцем из высших каст и, скорее всего, получил образование за границей. Весьма необычно для командира игроков – в Новом царстве эта профессия не числилась среди особо почетных.

Вместе с уже знакомыми мне рыцарями Ордена стояла молодая женщина, красивое лицо которой отнюдь не портили строгость и слегка поджатые губы, как будто она отовсюду ждала подвоха. Одета женщина была в более свободный вариант орденского мундира и носила корсаж поверх нижней рубашки, подчеркивающий ее привлекательные формы. Вот только заглядываться на них не стоило. Ледяные взгляды, которыми она одаривала всех, чьи глаза задерживались дольше дозволенного приличиями, говорили лучше всяких слов.

– Итак, господа, мы наконец в сборе, – начал речь сэр Томас Мэлори. – Я сразу хочу принести вам извинения за тот несколько неудобный способ, которым пришлось воспользоваться, чтобы пригласить вас в нашу обитель. Однако иного выхода у нас просто не было. Надеюсь, вы поймете это, когда я поведаю все. Но пока давайте представимся друг другу, ведь далеко не все тут знакомы. Начну с себя и моих братьев по Ордену.

Короткий кивок в сторону сэра Галахада:

– Сэр Галахад – паладин Ордена.

Следующий – в сторону Лафайета:

– Маркиз Эдмон де Лафайет, рыцарь Ордена из французского капитула.

Теперь настала очередь единственной дамы.

– Леди Изабо д'Аржий – рыцарь Ордена.

Мэлори сделал особое ударение на слове «рыцарь», чтобы ни у кого не возникло никаких сомнений.

– Я уже представился всем вам, когда встречал у дверей особняка, а потому прошу вас назвать свои имена или прозвища, под которыми вы выходите на арену. Тут уж что кому удобнее.

– Магарбал, сын Гамилькара, – сообщил всем карфагенянин, подкрутив пальцами один из многочисленных завитков своей бороды, – чей род восходит к Гильгамешу, царю Ура. А этот недостойный рядом со мной – раб Аузибар, капитан принадлежащей мне команды бойцов.

– Хидзиката Тосидзо, – коротко поклонившись, выпалил единой фразой японец – или китаец, кто ж их разберет, – воин сегуна и императора. Капитан отряда Волков Мибу.

Я понял едва ли половину из сказанного, но уточнять не стал.

– Яхмос ап Фта, – с каким-то певучим акцентом выдал египтянин, – имею честь возглавлять команду игроков из Нового царства.

– Граф Остерман-Толстой, Иван Александрович, – высказался я, – честь имею, русский игрок. Как и вся моя команда.

– Капитан Рэнделл Беннет, – последним представился британец в красном мундире, – корпус ее величества Королевской морской пехоты.

– Вот и отлично, – положил обе руки на край стола Мэлори. – Теперь перейдем к делу, сразу и без отлагательств. Если есть проголодавшиеся, сейчас слуги принесут вино и закуски, а я пока, с вашего позволения, господа, начну. Наш Орден создан для борьбы с вырожденками – людьми, смешавшими свою кровь с кровью животных. Они существуют с древних времен и, увы, по сей день. Думаю, в каждой из стран сталкивались с этой проблемой в том или ином ее проявлении. На Британских островах, благодаря усилиям Ордена, нам почти удалось покончить с вырожденками, мы даже оказывали помощь нашим братьям во Франции. Однако нам нанесли удар под дых, если использовать боксерскую терминологию.

Тут двери отворились, и в кабинет вошли трое слуг. Двое катили довольно большой стол, сервированный обещанными закусками, третий же торжественно нес поднос с несколькими бутылками вина.

Мы прервались, пока слуги не покинули кабинет – никто к еде даже не притронулся, все ждали продолжения. Мэлори, в свою очередь не бросивший и взгляда на столик и поднос с вином, только сильнее навалился на стол.

– Вы все, скорее всего, знаете из газет о докторе Моро и экспериментах по переливанию крови, а также о стремительном закате его карьеры и бегстве из Лондиниума. Эта история в свое время не без помощи Ордена, сразу скажу, облетела весь мир. Мы считали, что сбежавший доктор нигде не найдет помощи после того, в чем был совершенно справедливо обвинен. Вот только никто и подумать не мог, что он вовсе не покинул город, а укрылся в Уайтчепеле, где преспокойно продолжил свои эксперименты.

– И как удалось обнаружить эту новую лабораторию, если ее спрятали так хорошо? – спросил Яхмос ап Фта. Из-за акцента казалось, что он не говорит, а запекает строфы молитв или псалмы во славу своих богов.

– Отличный вопрос, – прищелкнул пальцами Мэлори. – Несколько недель назад в Уайтчепеле начались убийства. Сначала на них никто внимания не обратил, потому что гибли только – короткий взгляд в сторону Изабо д'Аржий, как будто сэр Томас извинялся перед ней за то, что должен сказать, – проститутки. Их смерть – слишком частое явление в районе, подобном Уайтчепелу, поэтому полиция занялась ими очень поздно, когда количество жертв перевалило за десяток, а пронюхавшие обо всем газетчики начали трезвонить на каждом углу о Джеке-потрошителе. Еще позже Скотленд-Ярд обратился к нам. Уже после того, как их коронеры обнаружили на телах жертв следы укусов. Укусов, нанесенных нечеловеческими зубами. Но было уже слишком поздно. Мы вошли в Уайтчепел, и это скверно для всех нас закончилось.

Заметки на полях

Выродки

Этих существ во все века люди боялись и истребляли – так гласит официальная, версия... Но достаточно вдуматься в историю и хоть немного внимательней почитать самые обыкновенные сказки, и перед нами открывается совсем другая картина.

Те, кого зовут вырожденками, вовсе не были редкостью в древние времена, а кое-где, например на Дальнем Востоке среди хунхузов и конных бандитов, до сих пор процветают обряды смешивания крови. И мало где вырожденки становились париями или изгоями, а если уж быть совсем точным, то до распространения римской культуры а вслед за ней христианства, нигде. Более сильные, ловкие, умелые бойцы всегда ценились, а что по их жилам вместе с людской течет кровь сильных животных, дела никому не было.

До римлян. Полагающиеся на дисциплину и мощь всего легиона, а не отдельных его воинов, римские полководцы впервые встретились с вырожденками, или тогда еще полукровка, ми, как их называли ученые мужи Античности, в Галлии. Вместе с друидами римляне уничтожили почти всех полукровок – слишком сильными врагами те были, чтобы оставлять их на подчиненных землях. Так повелось во всех завоеванных могучим Римом территориях вплоть до Британских островов.

С распространением христианства на вырожденных – так их стали звать именно первые христианские проповедники – началась настоящая охота. Ведь они были сильнейшими воинами языческих племен, бросавших вызов новой религии, не желавших подчиняться им. Для борьбы именно с ними создавались рыцарские Ордена которые после отправились нести знамя веры на Восток и освобождать Гроб Господень из рук сарацин.

Уже к началу XVIII столетия от вырожденных почти не осталось и следа, разве только на совсем уж Дальнем Востоке, среди упоминавшихся уже хунхузов с конными разбойниками терроризирующих Китай. Но тут древнюю легенду решили воплотить в жизнь люди вроде доктора Моро, считавшие, что таким образом смогут улучшить человеческую породу. До поры они работали открыто и даже публиковали результаты своих исследований в научных журналах, их обсуждала университетская профессура. Пока ушлый журналист не проник в лабораторию доктора Моро под видом лаборанта. А после опубликовал все, что увидел там, в одном из ведущих лондонских изданий, да еще и снабдив свой рассказ подтверждающими его жуткими фотографическими снимками.

Это стало настоящим взрывом. Лабораторию Моро разгромила толпа. Досталось и другим занимающимся похожими вещами ученым, кое-кто едва ноги унести успел, а кое-кто и не успел, застигнутый врасплох разъяренными и обезумевшими от страха людьми. Погромы произошли во многих университетах. Бывало, народ набрасывался даже на студентов, которые не давали никакого повода для нападений. Часто он и не нужен был.

Так же быстро, как закипели страсти схлынули. Тогда все взгляды были обращены на Восток – ждали, чем завершится кризис с Турцией и начнется ли новая война, на сей раз против варварской России. Об ученых позабыли а они, как оказалось, продолжали свою работу.

– И вы решили, что игроки помогут вам в выполнении миссии? – поинтересовался капитан Беннет, на лице его было написано неприкрытое презрение ко всем. – Вам стоило только обратиться к нам, Королевской морской пехоте, и мы покончили бы с тварями из Уайтчепела в считанные часы. Кстати, еще не поздно поступить именно так.

– Увы, капитан, – развел руками сэр Томас, – но поздно. Я уже обращался к вашему командованию, и мне выделили только вашу пятерку, заверив, что вас будет более чем достаточно. Добавили, что Орден и без того просит слишком многого, ведь войска лондонскому-

ского гарнизона уже и так блокируют Уайтчепел со всех сторон. Именно поэтому я обратился за помощью к устроителям игр.

– Почему выбор пал именно на нас? – опередив меня, задал вопрос Яхмос ап Фта. – Не стоило ли британские проблемы решать руками британцев? На играх остается достаточно команд с ваших островов и подчиненных вам территорий.

– Одни из них остались на второй и третий день игр. Другие понесли потери. Вы еще не знаете, но Камиль Фабер был тяжело ранен и вряд ли увидит завтрашний рассвет, его команда лишилась двух игроков. Макадамс погиб вместе со всей командой, они сражались с чернокожими из французских колоний – командой капитана Филибера. Я имел кое-какие виды на его зуавов, но из них выжили только двое, включая самого Филибера. Также я рассчитывал, скажу честно, на Готских рыцарей, однако их судьба незавидна. Команда погибла в полном составе.

– Его высочеству испортили все игры, – усмехнулся капитан Беннет, но при этом так нехорошо глянул на меня, что мне показалось на миг – он точно знает, что испортил все виновник торжественных игр. – Возможно, он завтра даже не появится в своей ложе, сошлется на здоровье, и нашей возлюбленной королеве придется отдуваться за него.

– Слабый правитель, – полные губы Магарбала скривились в откровенно презрительной усмешке, – не может даже торжества по случаю своего дня рождения высидеть до конца.

Беннет явно хотел ответить на эту ехидную реплику, однако перепалку в зародыше остановил сэр Томас, негромко, но как-то весьма выразительно хлопнув ладонями по столешнице.

– Мы здесь собрались не для того, чтобы обсуждать достоинства правителей, – произнес он.

– Раз уж дошло до обсуждений, то я бы хотел поинтересоваться, – высказал я наконец то, что хотел, – сколько нам заплатят? Скажу сразу, я и мои люди за дармовое угощение от Ордена умирать не станем, – я намеренно говорил грубо, подчеркивая полную свою приземленность в этом вопросе. – Вам нужны наши профессиональные качества там, – я указал на отмеченный красной линией район на плане Лондиниума, – их придется приобрести. Вы не Магарбал, а мы – не ваши рабы, сэр Томас, чтобы вы запросто отправляли нас в район, полный вырождаков и одному Господу ведомо кого еще. Не знаю, как остальные мои коллеги, но я готов отправиться туда лишь за соответствующую оплату, и она должна быть достаточно щедрой. Ведь всем, думаю, известно, что мы зарабатываем деньги не только на аренах.

Этот факт не было принято афишировать, но только лучшие команды могли позволить себе зарабатывать лишь гастрольями по большим аренам. Остальным же приходилось выкручиваться любыми способами. Самые неразборчивые участвовали в конфликтах между крупными бандами, но до такого мало кто опускался. Кто-то прибавался на время к циркам, принимая участие в их представлениях. Другие шли в армию – профессиональных игроков с именами со времен Древнего Рима были рады видеть инструкторами по рукопашному бою. Иногда нанимались целыми командами на выполнение особенно щекотливых заданий, в которых не желали участвовать на официальном уровне правительства государств. Также игроки были востребованы в роли телохранителей. В общем, нам не впервой было зарабатывать себе на жизнь, проливая кровь отнюдь не на арене.

Мэлори обвел взглядом собравшихся и по выражениям лиц понял – все, пожалуй, кроме капитана Беннета, полностью разделяют мою позицию по этому вопросу. Офицер Королевской морской пехоты одарил всех очередной презрительной улыбкой.

– Никто из нас не испытывает патриотического порыва и не спешит умирать за вас, – пропел Яхмос ап Фта. – Все мы привыкли получать выгоду от предприятий, в которые ввязываемся. Вольно или невольно.

– Мои люди – слишком ценный товар, – поддержал Магарбал. – Я растил их, кормил, тратил деньги на обучение, и они еще не отработали вложенное.

Судя по алчному взгляду Магарбала, отработать вложенные деньги его рабам точно не удастся. Сэр Томас обводил нас недоумевающим взглядом. Похоже, требование оплаты никак не входило в его планы.

– Орден располагает определенными фондами, – голос сэра Томаса впервые прозвучал неуверенно. – К тому же я обращусь к лорд-мэру и Ассамблее – прежде они никогда не отказывали Ордену в просьбах. Даже денежных. А пока, если вам будет довольно моей долговой расписки на сумму, которую вы сочтете достаточной...

– У вас есть имущество, чтобы покрыть этот долг? – тут же встрял Магарбал, который был из всех нас самым прожженным дельцом. Что в общем-то неудивительно.

– Этот особняк принадлежит семейству Мэлори уже почти пятьсот лет, – тон сэра Томаса стал ледяным. Он не привык, чтобы его перебивали, – и я заложу его, если понадобится, чтобы расплатиться с вами, господа, по распискам. Вам этого довольно?

– Вполне, – тон Магарбала можно было считать примирительным, однако в нем слишком явственно звучали победительные нотки. Лицо сэра Томаса побелело от едва сдерживаемого гнева.

– Мне будет довольно и вашего слова, сэр Томас, – заявил я, чтобы хоть немного разрядить накалившуюся обстановку. – Но я бы хотел узнать у вас еще одно. Почему Орден обратился к нам за помощью, не располагая фондами для оплаты? У вас было достаточно времени, раз вы пригласили сюда вашего брата из французского капитула, но почему только его одного? Где остальные рыцари Ордена с Британских островов?

Молчание повисло в кабинете на несколько томительных секунд. Сэр Томас сверлил меня взглядом, как будто желал таким образом заставить отказаться от вопроса. Но он был задан и требовал ответа.

– Если вам нужно подтверждение того, о чем вы давно уже догадались, – севшим голосом произнес Мэлори, – то я скажу вам. Здесь вы видите всех рыцарей Ордена – не только в Британии, но и в мире вообще. Нас осталось всего четверо, и потому Орден не может без посторонней помощи справиться даже с угрозой, возникшей в одном районе Лондиниума. Нам почти удалось одолеть выроdkов, и как только исчезла угроза – в нас отпала необходимость. Нас перестали финансировать, люди больше не желали вступать в Орден, ведь неясно было, чем нам теперь заниматься. Более того, все сквозь пальцы глядели на опыты ученых вроде Моро, позволяя им безнаказанно проводить свои эксперименты по умышленному созданию выроdkов.

– Уж не вы ли приложили руку к разоблачению лаборатории Моро в Лондиниуме? – улыбнулся Яхмос ап Фта.

– Да, – коротко бросил Мэлори, которого не радовала эта тема разговора.

А вот маркиз Лафайет подмигнул нам из-за его спины и сделал короткий жест левой рукой, будто намеревался отдать честь. Стало ясно, кто был тем самым ушлым журналистом, скрывавшимся под личиной фальшивого лаборанта.

– Надеюсь, все вопросы решены, господа? – обратился к нам сэр Томас. Никто ничего говорить не стал. – Отлично. Значит, сегодня вы погостите у нас в особняке, а завтра с первыми лучами солнца мы отправимся в Уайтчепел.

– Я так понимаю, – едва ли не впервые после представления подал голос Хидзиката Тосидзо, японец, или китаец, – что вы не знаете, с чем мы столкнемся там.

– Только в самых общих чертах, – ответил Мэлори. – Я могу сказать, что в Уайтчепеле нас ждет много крови и смертельная опасность.

Наверное, сон в ту ночь был навеян схваткой с Готскими рыцарями на играх. Стоило мне коснуться головой подушки, как я тут же оказался среди жаркой крымской пыли. Но на

этот раз на окраине Арабата, и передо мной стояли два офицера британской армии и рыцарь в доспехах.

Мы встретились в двадцати саженях от первых домов Арабата и наших укреплений. Британцы выглядели подлинными завоевателями в своих красных мундирах, а рыцарь даже не соизволил поднять забрала, что было просто оскорблением. Однако я до поры решил не реагировать на него.

– Граф Остерман-Толстой, подполковник Егерского корпуса, – представился я, щелкнув разбитыми каблуками ботинок. – С кем имею честь разговаривать?

– Капитан Чэдлер, – ответил офицер постарше с начинающими седеть бакенбардами, скрывающими почти все лицо. – Тридцать восьмой пехотный полк.

– Лейтенант Коупленд, – кивнул следом офицер помоложе, с лицом чисто выбритым, но уже изрядно изборожденным морщинами, – Королевский осадный корпус.

Значит, ребята первого штурмовали нас уже шестой день кряду, а второго забрасывали снарядами из баллист, катапульт и скорпионов каждое утро и вечер, как по расписанию.

– Конрад фон Эрлихсхаузен, – все же поднял забрало рыцарь, явив миру широкое лицо, украшенное черной как смоль бородой-эспаньолкой и аккуратными усами, – комтур ордена Готских рыцарей.

Говорил он по-немецки, но я его отлично понимал, так как владел этим языком. Не в совершенстве, конечно, но достаточно, чтобы понять, кто мне представляется.

– Раз мы познакомились, господа, – кивнул я, – то давайте вы сразу изложите свои требования, я их отклоню, и все вернется на круги своя.

– Не вернется, – отрезал, переходя на английский, Готский рыцарь, говорил он с весьма характерным акцентом, который при других обстоятельствах можно было бы счесть даже смешным. – Больше ничего не вернется на круги своя. Сдавайтесь сегодня, у вас час на раздумья. Если не сдадитесь, мои рыцари втопчут вас в грязь.

– Всегда уважал вас, – кивнул я Конраду, – за прямую манеру выражаться. Никаких дипломатических экивоков. Все кристально ясно.

– Как будто мы иначе изложили бы требования, – как-то обиженно буркнул капитан Чэдлер. – Мы – люди военные и всей этой дипломатии чужды.

– Какая уж тут дипломатия, – рассмеялся я так, будто находился в кругу друзей, – когда ваши люди штурмуют мои позиции дважды в день. Вы случайно не шотландец? А то, говорят, только им присуще такое упрямство.

– Тридцать восьмой не привык уступать врагу, – гордо ответил Чэдлер, – и в этом мы можем дать фору в упрямстве самым твердолобым шотландцам.

– Вы, верно, не услышали меня, граф, – вновь вступил в разговор Конрад, который не привык к тому, чтобы его почти игнорировали. – Не солдаты капитана Чэдлера, а мои рыцари атакуют вас ровно через час.

– Я отлично слышал вас, рыцарь, – кивнул ему я, – не надо повышать голос. Мы с капитаном верные враги уже не один день, а это сродни некой дружбе, не так ли? – Чэдлер кивнул, разгладив пальцами бакенбарды. – Вы же в этом плане человек мне вовсе не знакомый. Через час мы узнаем друг друга в бою, а пока дайте перекинуться еще парой слов с капитаном.

И вот тут рыцарь допустил громадную оплошность или попытался спровоцировать меня, уж: не знаю. Он шагнул вперед, сжав пальцами в латной перчатке воротник моего мундира.

– Я пришел оказать вам честь, предложив сдаться, – прорычал он мне прямо в лицо, – но вижу, что вы просто неблагодарная свинья и не заслуживаете подобной милости. Я прикончу вас! Кони моих рыцарей втопчут ваши трупы в эту пыль!

– Смелое утверждение, рыцарь, – ничуть не смутился я, даже не попытавшись освободиться из его железной хватки. – Капитан, а ничего подобного командир французских жандармов не говорил?

Лицо Чэдлера замерло. Он поджал губы и, шагнув вперед, положил руку на наплечник рыцаря.

– Успокойтесь, – произнес он. – Не стоит ронять себя в глазах наших врагов.

Конрад повернул к нему покрасневшее от гнева лицо. Однако ничего больше говорить не стал. Он разжал железную хватку и, не прощаясь, направился к своему коню, которого держал под уздцы оруженосец. Уже поставив ногу в стремя, он обернулся ко мне и ткнул пальцем.

– С этой минуты ровно час. Я не отступлю от данного слова.

Я разгладил смятый на груди мундир, хотя вряд ли это могло сильно улучшить мой внешний вид после нескольких дней непрерывных боев.

– Жду вас ровно через час, герр Конрад, постарайтесь не опаздывать.

Рыцарь вскочил в седло, лязгнув доспехом, и, не дожидаясь оруженосца, поскакал к позициям британцев.

– Зря вы его так разозлили, граф, – покачал головой лейтенант Коупленд. – Теперь он точно никого не пощадит.

– Как будто в спокойном состоянии эти господа склонны к милосердию, – усмехнулся я.

– Лучше бы вам сдаться, – тяжело вздохнул Чэдлер. – Честное слово, вы нравитесь мне, граф, но сдержат гнев Готских рыцарей будет просто невозможно. За жандармов, кстати, французы на вас крепкий зуб теперь имеют. Но всем ведь известно, что при первом штурме Арабата войсками генерала Пелисье здесь еще находилось достаточно войск барона Врангеля. Сейчас же вас там не больше батальона, да и то сильно потрепанного.

– Я могу только процитировать нашего славного генерал-фельдмаршала Суворова-Рымникского, – усмехнулся я. – Воюют не числом, а умением.

Глава 3

Уайтчепельская бойня

В желудке Тараса постоянно бурчало – наверное, из-за отсутствия завтрака второй день подряд. Наш рукопашник виновато косился в мою сторону, но ничего не говорил. А эти звуки, отлично слышные в темноте кеба, жутко раздражали. Хотя того, что меня нервировало кроме этого, было еще ой как много.

Конечно же, вчера сэр Томас рассказал нам далеко не все. Уже сегодня утром, перед тем как рассаживаться по знакомым вместительным кебам, магистр Ордена подозвал к себе всех капитанов и Магарбала заодно. Хозяин команды заявил, что не бросит своих людей – те, мол, слишком дорогое имущество, чтобы оставлять его без присмотра.

– Кроме выроdkов, в Уайтчепеле остались люди, – заявил магистр, – мне неизвестно, сколько из них заражены, поэтому убивать придется всех.

– Это значит, женщин и детей тоже в расход? – зачем-то уточнил Магарбал, при этом губы его сложились в хищную улыбку.

– Всех – это значит всех, – мрачно произнес Мэлори. – Решение жестокое, но необходимое. Только так можно бороться с этой болезнью, не дав ей перерасти в настоящую эпидемию.

– Разве выроdkи заразны? – удивился я. – Никогда не слышал, чтобы о них говорили как о болезни.

– Неизвестно, на ком именно проводились эксперименты, – ледяным тоном заявил сэр Томас, – а потому мы и не знаем, кто из выживших – выроdk. Это может быть ребенок в колыбели, но он проявит свои дьявольские способности, а что еще хуже – в его потомстве будут такие же выроdkи. Вот что я имею в виду, говоря об эпидемии.

– Теперь понятно, – проговорил-пропел Яхмос ап Фта, – почему среди нас нет тех, кого вы считаете представителями цивилизованных стран. Мало кого можно купить, чтобы они убивали беременных женщин и младенцев в колыбельках.

Меня неприятно резанули его слова, как и офицера британской морской пехоты, ведь египтянин поставил его вровень с нами. Однако у офицера хотя бы есть фиговый листок патриотизма, которым он всегда может прикрыть свои деяния. А вот мне прикрываться нечем. Ну да и бог с ним, куда уж дальше падать – из подполковников в капитаны команды игроков? Хорошо хоть родители не дожили до моего шельмования и лишения чести.

Уже внутри кеба я рассказал своим бойцам обо всем. Никого новость не обрадовала.

– Так что же, командир, детей резать станем? – мрачно произнес Тарас, и в животе его в первый раз за это утро что-то буркнуло. Казалось, даже чрево бунтует против такого поворота событий.

– Будем убивать выроdkов и тех, кто нападет на нас, – ответил я. – С остальными пускай британцы сами разбираются – мы и так им оказываем большую услугу, пускай и за деньги.

– А найдутся разве такие, кто детишек резать станет? – удивился Тарас.

– Такие выроdkи, – усмехнулся я невесело, – всегда находятся.

Разговаривать дальше совсем не хотелось, и единственными звуками в кебе остались те, что издавало чрево Тараса. Ехали мы достаточно долго, а в полной тишине терпеть вынужденное бездействие оказалось очень сложно. От нечего делать я отодвинул в сторону занавеску на окошке кеба и стал глядеть на улицу. Но и там ничего интересного не было. Грязные стены домов перемежались с перекрестками. Фонари чем дальше, тем реже горели. По улицам уже шагали первые прохожие – шли на службу, начинающуюся еще затемно. Встречались бобби в синих плащах и шлемах. Они, позевывая, прогуливались по своим участкам патрулирования с дубинками в руках.

Первых солдат в красных мундирах я увидел минут за десять до того, как мы подъехали к воротам Уайтчепела. Сначала они сменили бобби, но после их стало все больше и больше. И вот уже не видно обывателей, улицы перекрыты, и только кебы пропускают дальше. Несколько раз наш кортеж останавливали, но стоило кебмену протянуть офицеру внушительную бумагу со свисающими печатями, как нам тут же давали проехать.

Остановились мы перед большой баррикадой, которой Уайтчепел был отгорожен от остального Лондиниума. По эту ее сторону расположилось не меньше взвода солдат – алебардчиков и арбалетчиков, но в первых рядах стояли воины, одетые в кирасы, с тяжелыми щитами. Такие почти не использовались на поле боя, зато были весьма эффективны в уличных столкновениях. Мне очень не хватало хотя бы десятка таких ребят в Арабате – держать оборону между тамошними мазанками.

– Ты погляди, что за клоунов сюда привезли, – рассмеялся унтер, командующий арбалетчиками, толкнув другого унтера – в капеллине и при алебарде. – Рыцари, видимо, совсем умом тронулись после прошлого раза...

Но договорить он не успел – из кеба выбрался сэр Томас, и все разговоры тут же стихли. Мэлори подошел к командиру солдат – офицеру, прошедшему не одну битву, судя по украшавшим его лицо шрамам.

– Мистер Джонс, доложите обстановку, – попросил сэр Томас.

– Дважды за время вашего отсутствия из района пытались прорваться, – сообщил тот. – Один раз просто толпой навалились, но тогда их отбили легко. Второй раз затейливее поступили. Погнали впереди женщин и детей. Вот только не знали, наверное, с кем имеют дело. Моим парням плевать, в кого болты всаживать, а до алебардчиков толпа не добралась.

Все мы покинули кебы, и на нас откровенно пялились – ведь игроки перед выездом переоделись в костюмы для арены. Не в цивильном же виде по Уайтчепелу щеголять. А боевые костюмы, как бы кричаще ни смотрелись, были, в первую очередь, удобны и не стесняли движений. Так что выглядели мы – любо-дорого. И моя команда смотрелась на фоне карфагенян или японцев – все же японцев, я это выяснил у сэра Томаса, – не слишком экстравагантно. Ну и морские пехотинцы капитана Беннета почти не отличались от остальных солдат в красных мундирах.

Особенно выделялись, конечно, тяжелые бойцы. Среди карфагенян это был громадного роста негр. Выше пояса – голый, несмотря на довольно холодную погоду. Лишь на плечах его красовались кожаные накладки, топорщащиеся стальными шипами, – скорее украшение, чем реальная защита. Руки он сложил на украшенной серебряным черепом длинной рукояти тяжелого кривого меча, похожего на турецкий ятаган, каким его рисуют на картинках в детских книжках. Правда, японец мог переплюнуть кого угодно. Он был довольно высок для представителя этой нации, одет в доспехи, состоящие из кирасы и набедренников, а на голове красовалась целая грива выкрашенных в ярко-красный – вырви-глаз! – цвет волос, очень похожая на львиную. Из нее торчала пара коротких рогов, непонятно кому раньше принадлежавших, а прикрывала она какой-то шлем, но без забрала. На плечах воин держал двустороннюю секиру, выглядевшую столь же зловеще и внушительно, как мой секач или тяжелый кривой меч негра.

Рыцари Ордена остались в своей обычной форме, к которой добавились только посеребренные легкие наручи и поножи с хитрым узором, возможно шифром их званий, а быть может, просто украшением. Хотя Изабо д'Аржий обходилась и кожаными. А вот вооружение у них – куда затейливей нашего. Сэр Томас и сэр Галахад были с тяжелыми драгунскими палашами, которыми весьма удобно рубить не только с седла, но и в пешем строю. Изабо д'Аржий с маркизом Лафайетом – со шпагами, предназначенными скорее для того, чтобы накалывать врага, однако и рубить ими при желании можно. Но не это оружие привлекло мое внимание – в конце концов, как профессиональный игрок я нередко встречал самые

экзотические образцы. А вот то, что рыцари Ордена носили за спиной, вызывало подлинный интерес и даже восхищение. Кое о чем мне приходилось только слышать, а электрическое ружье, которым был вооружен сэр Галахад, и вовсе казалось чем-то из разряда легенд. Лафайет перехватил обеими руками тяжелый арбалет с узкими дугами из стальных пластин, украшенный серебряными накладками с выющимся узором, который складывался в слова Писания на латыни. У Изабо д'Аржий арбалетов была пара, как у нашего Князя, но куда лучшего качества. Такие запросто делают по три-четыре выстрела за считанные секунды, и вряд ли их перезарядка занимает много времени. Сам сэр Томас нес катушечное ружье с длинным стволом, обвитым медной и стальной проволокой, – мощное оружие, способное наспиговать человека или выродка сталью ничуть не хуже арбалетов Изабо д'Аржий, а быть может, и с куда большей эффективностью.

– Итак, господа, – обратился к нам сэр Томас, – сейчас войдем в Уайтчепел. Будем вместе двигаться по Хай-стрит до больницы. Скорее всего, именно там расположена лаборатория доктора Моро. Стоит ждать самого ожесточенного сопротивления. Если вдруг потеряетесь во время схватки с врагом, постарайтесь снова выйти на Хай-стрит и двигайте к больнице. Вы не пропустите ее – самое большое здание во всем этом Богом проклятом квартале.

Он перевел дыхание, помолчал пару секунд и выкрикнул так громко, как только смог:

– Да поможет нам Бог! – А после обернулся к офицеру, командующему оцеплением: – Разберите баррикаду – входим.

Когда мы гуськом – команда за командой – проходили мимо провожавших нас взглядами солдат в алых мундирах, один из них – тот самый унтер, что назвал нас клоунами, – шептал вслед: «Да поможет вам Бог, парни. Да поможет вам Бог».

Заметки на полях

Снова крымские сны

Я никогда не мог понять подлинной природы этих снов. В них я как будто пребывал не только в своем теле.

Я видел атаку Готских рыцарей на наши позиции глазами Конрада фон Эрлихсхаузена – не просто видел, я переживал ее. Я ненавидел выстроившихся среди мазанок Арабата солдат и особенно их наглеца-командира стоящего закинув на плечи уродливый секач.

А в другую ночь я вел своих егерей в атаку на Федюхины высоты во время битвы на Черной речке. Я оборачивался к ним и весело кричал: «В ад за мной – шаго-ом! Ари!» И мы шли весело, под песни, а французы обрушивали на нас настоящий шквал ядер из баллист с катапультами и саженных копий из скорострельных скорпионов.

На третью же мои егеря наступали вместе с полком пикинеров при Инкермане, стреляя на ходу во врага. В ответ в нас летели стрелы из длинных луков, что запускали из-за стройных шеренг красномундирной пехоты лучники в зеленой форме. Все ближе и ближе красные солдаты – их уже можно разглядеть в прорези треугольных забрал стальных капеллин. Еще мгновение – и начнется рукопашная схватка.

Вот только я никоим образом не мог участвовать в этих трех сражениях, не говоря уж обо всех остальных странностях. Что же это такое? Что за непонятные шутки играет со мной мой собственный разум?

Мы вошли в Уайтчепел, но в первые четверть часа не встретили никого. Никакого ожесточенного сопротивления, о котором говорил Мэлори. Даже тренированные глаза Корня – бывалого пластуна, не растерявшего привитых с детства навыков, – не заметили ничего подозрительного. Видимо, несколько попыток прорыва, стоивших местным обывателям немалой крови, заставили их уйти в глубь района и не высовывать оттуда носа. Но как долго это продлится – неясно.

Следы тех самых прорывов, о которых говорил командир державших кордон солдат, мы увидели сразу за баррикадой. Несколько десятков изрубленных трупов, многие изуверены до такого состояния, что нельзя было понять, кому какая конечность принадлежит. Иные же из-за давки превращены толпой почти в бесформенные куски окровавленного мяса. И тем страшнее выглядели в этих горах остекленевшие человеческие глаза: они, казалось, с немим укором смотрели на нас, проходивших мимо.

Однако эта картина быстро вылетела у меня из головы. Сейчас было куда больше насущных проблем, чтобы заострить внимание на чем бы то ни было, не относящемся напрямую к нашему делу.

Вот только мы шли и шли по Хай-стрит – достаточно широкой улице, чтобы не надо было тесниться или шагать гуськом, – а враг и не думал показываться. Это привело к неизбежному: все несколько расслабились, нельзя же быть в напряжении больше получаса. Начались разговоры: шагать в молчании, пожалуй, тяжелее, чем держать себя в постоянной готовности к схватке.

С гривой красных волос здоровяк-японец, который легко нес на плече свою секиру, склонился над шагающим впереди Хидзикатой Тосидзо и произнес несколько коротких фраз на их родном языке. Хидзиката повернулся в мою сторону.

– Сингэн интересуется, что это у вас за оружие? – спросил он у меня.

Я заметил, что при разговоре Хидзиката не улыбался, как делали большинство китайцев, с которыми мне приходилось общаться, даже достаточно высокопоставленных. Они говорили, что дело в непривычной артикуляции, но отчего-то не верил им. И теперь нашел подтверждение своим сомнениям: вряд ли японский и китайский языки настолько не схожи, что артикуляция сильно разнится.

– Я называю его просто секач, – пожал плечами я. – Он достался мне как трофей после схватки.

– У такого оружия должно быть собственное имя, – теперь Хидзиката говорил за себя, а не переводя слова здоровяка по имени Сингэн.

– Предыдущий хозяин мне его не сказал, – пожал плечами я и тут же понял, что зря это сделал.

Я носил секач, уложив его на плечи, и те успели основательно затечь, а теперь отозвались на движение довольно сильной болью.

– Понимаю, – кивнул, снова без лишних улыбок, Хидзиката, и взгляд его сказал мне обо всем.

Я знал, что он не совсем верно угадал развитие событий, однако не стал рассказывать ему, как все было на самом деле. Какая кому разница, собственно говоря.

Хидзиката обернулся на ходу к изнывающему от любопытства Сингэну и выдал несколько быстрых фраз. Я лично считал, что он обойдется и парой слов. Однако Сингэн и не подумал успокаиваться. Он снова что-то спросил у Хидзикаты, и тот опять повернулся ко мне. Оказывается, я ошибался, и Сингэн ничего не спрашивал – он выдал парочку пожеланий.

– Сингэн говорит, – сообщил мне Хидзиката, – что оружие явно не переделано под вас, а так как это точно штучная работа, то его стоило бы изменить именно под ваши руки, тогда им будет намного удобнее работать. И еще Сингэн выражает надежду, что он встретится с вами на арене. Ему бы очень хотелось узнать, каков ваш секач в действии.

– Я благодарю Сингэна за совет и последую ему при первой возможности. А что до его пожелания, думаю, он скоро увидит мой секач в работе.

Вот тут мы с Хидзикатой вежливо улыбнулись друг другу. Шутка была не ахти, но вежливость – превыше всего.

И тут нам всем стало не до разговоров.

Засаду враг устроил грамотно: заманил поглубже в район, долго не показывался на глаза, пока мы не расслабились, и только после этого принялся палить. И все же обмануть наших разведчиков не удалось. Буквально за несколько мгновений до того, как обрушился ливень стрел и арбалетных болтов, замерли Корень и лучница из команды капитана Беннета. Казак вскинул над головой левую руку с зажатым в ней кинжалом – и все тут же остановилось – этот сигнал был знаком каждому. А сразу после этого вокруг нас разверзся ад.

Из слуховых окон, со вторых и редких третьих этажей приземистых домов Хай-стрит по нам открыли огонь из арбалетов. Болты засвистели в воздухе. На балконы выскочили лучники, уже натягивающие тетивы. И к болтам тут же присоединились стрелы.

Наши стрелки не остались в долгу. Быть может, мы и расслабились из-за долгого отсутствия врага, но совсем уж бдительности не потеряли. Лучница британской команды, вооруженная настоящим чудовищем или творением гения – тут как посмотреть – с несколькими плечами разной длины, одни даже расположены перпендикулярно остальным, выстрелила трижды с такой невообразимой скоростью, что и моему тренированному глазу оказалось сложновато заметить эти движения. Ее поддержал второй стрелок британцев, чье катушечное ружье выдало серию электрических импульсов, швыряя во врага пулю за пулей. Да уж, вооружены британцы оказались по высшему разряду, и выучка не подкачала.

Вот только мои парни, равно как и все остальные, вовсе не выглядели серыми посредственностями на их фоне. Почти одновременно щелкнули арбалеты Ломидзе, отправив двоих врагов на тот свет. Армас же стрелял с колена, не особенно выбирая цели, – сейчас от бойцов с катушечным оружием требовался огонь на подавление. Они были нашей тяжелой артиллерией – точности особой никто не требовал. Но врагов было слишком много, а нас – слишком мало для этого.

Однако одним обстрелом враг, конечно же, не ограничился. Тем более что тот не принес никаких плодов. Никто из нас не был даже легко ранен, в то время как атакующие сами понесли потери, и немалые. Все-таки мы сильно превосходили в выучке обитателей Уайтчепела. Из многочисленных закоулков, улочек или переулков, отходящих от Хай-стрит, подобно мелким речушкам и ручейкам, на нас бросились новые враги. Люди и те, кого называли вырожденками. Последних было достаточно сложно разглядеть: двигались они действительно с нечеловеческой скоростью. Мчались длинными прыжками, припадая к земле на все конечности, далеко обогнав людей в рваных куртках, длиннополых пальто и полувоенных френчах. Выродки первыми врезались в нас.

Конечно, мы уже не стояли к тому моменту плотной группой, разбившись на привычные пятерки команд, где каждый привык прикрывать товарища. Первого вырожденка встретил стальным кулаком Тарас. Он врезал ему с такой силой, что полуживот рухнул на разбитую грязную мостовую с проломленным черепом. Тут уж никакая звериная кровь не спасет. Следующий попытался напасть на перезаряжающего арбалеты Вахтанга, но на его пути встал Корень. Шашка и кривой кинжал замелькали с невероятной скоростью, распластывая вырожденка, во все стороны полетели ошметки шерсти и кровавые брызги.

Тяжелые бойцы – и я в их числе – пока даже не вступали в схватку. Не было надобности: пока со всем отлично справлялись стрелки и прикрывающие их бойцы полегче нашего. О них, словно о волнолом, разбивались атакующие враги. Но я отлично понимал, что продлится это недолго. До появления первых серьезных противников, которых никогда не было принято гнать на убой в передних шеренгах. И они не заставили себя долго ждать. Вот только это оказались вовсе не выродки, а вполне серьезные бойцы в кирасах и закрытых шлемах.

Они клином промчались через толпы напирających на нас врагов и врезались в наши боевые порядки. Хотя порядками их можно было считать сугубо условно. Двое навалились на Корня с Тарасом, к ним тут же присоединилась еще парочка, а следующие кинулись уже на стрелков. Тогда за дело пришлось браться уже мне.

Я шагнул навстречу врагам. Первый тут же кинулся на меня, считая неуклюжим из-за тяжелого секача. Распространенная ошибка – никому не удалось повторить ее дважды. Он больше опасался тяжелого лезвия моего секача и потому пропустил быстрый удар рукоятью по ребрам – сбоку, там, где кираса защищает не так хорошо, как кажется. Враг сжался всем телом, став совершенно беззащитным. Вот тут-то я и пустил в дело лезвие секача.

Второй враг выскочил прямо из-за валящегося на мостовую первого, пытаясь укрыться за телом уже мертвого товарища. Длинный меч его, который было удивительно видеть в этих трущобах, метил мне прямо в лицо. Я припал на колено и рубанул противника по ногам – труп мне тут совершенно не мешал. Когда поднялся, враг уже валился на товарища с перерубленными конечностями. Я добил его, просто опустив сверху секач. Тот врезался в бойца узкой острой кромкой, легко разрубив кирасу на груди и глубоко войдя в тело, сокрушая ребра.

Следом, откуда ни возьмись, на меня налетел выродок. Лохматая тварь, больше напоминающая вставшего на задние лапы пса. Длинные когти ее целили в лицо. Я едва успел вскинуть секач, перехватив выродка в полете. Мощные челюсти клацнули в паре вершков от моего лица, с длинных клыков стекала слюна. Напрягши все силы, я почти борцовским приемом кинул его через себя и опустил сверху секач. Он перерубил тварь надвое, рухнув, словно лезвие гильотины – изобретения времен неудавшейся революции во Франции, введенного республиканскими властями, которое вместе с разводами было решено оставить и при реставрированных Бурбонах.

Неожиданно выдалась короткая передышка – никто не пытался пустить мне кровь, и я быстро огляделся по сторонам. Потерь мы не понесли, что уже хорошо. Громадный Сингэн одним ударом своей секиры вскрыл грудину врагу в кирасе, и тут на него откуда-то со второго этажа прыгнул выродок. Освободить оружие японец не успевал, и никто, кроме меня, не видел грозящей ему опасности. Я мог только кричать, но вряд ли бы он меня услышал и тем более понял. Оставалось быть невольным свидетелем первой гибели в нашем отряде. Но не тут-то было. Как уж Сингэн почуял грозящую опасность, я просто не представляю, однако отреагировал на нее вовремя. Не успевая освободить секиру, он отпустил ее рукоять и, развернувшись всем телом, врезал пудовым кулаком прямо в морду твари. У японца не было никаких особых приспособлений для усиления удара, да они и не были ему нужны. Удар кулака оказался настолько сокрушителен, что выродок, перекувыркнувшись пару раз в воздухе, рухнул прямо к моим ногам. Мне оставалось только добить его. На миг наши с Сингэном взгляды встретились, и он коротко кивнул мне. Я ответил тем же.

У моих бойцов дела обстояли не хуже. Вот только на Корня несли громадных размеров выродок, больше всего напоминающий вставшего на задние лапы медведя гризли. Правда, лицо у него было почти человеческое, что пугало куда сильнее размеров и длинных когтей. Армас вскинул карабин и всадил в тварь не меньше пяти пуль, но они не остановили, а лишь раззадорили выродка. Врезавшаяся в бок стрела тоже не принесла особого результата.

– В сторону! – крикнул я своим людям. – Уходите!

И они послушались, потому что привыкли в бою выполнять мои приказы. Я успел вскинуть секач в защитной стойке, как тут же громадный выродок врезался в меня.

Я пролетел несколько десятков саженей, выбил спиной какой-то дверной проем. Тот оказался, на мое счастье, довольно хлипким, но несмотря на это удар вышиб у меня воздух из легких. Я покатился по грязному полу – больших сил стоило удержать в руках секач. Длинная рукоять его так и норовила выскочить из пальцев. Я чудом справился с этой задачей и почти сразу вскочил на ноги, снова закрывшись широким лезвием. И это спасло мне жизнь. Могучий удар выродковой лапы пришелся точно на его середину. Он едва не выбил оружие из моих рук – спасли рефлекс опытного игрока. Я не стал противиться силе этого толчка и дал ей увлечь себя, быстро переступив ногами, будто в танце провернулся, усиливая ответный удар. И обрушил секач на выродка. Вот только сокрушительным он не оказался. Выродок закрылся могучим плечом с ловкостью бывалого уличного бойца. Широкое лезвие секача оставило глубокую рану, однако повалить врага не удалось, на что я очень рассчитывал. И противник тут же атаковал.

Стоящий на задних лапах, он просто рухнул на меня, стараясь погresti под своей немалой тушей. А вот это была очень большая ошибка. Я успел припасть на колено и выставил перед собой секач, уперев его рукоятью в пол. Медведеподобный выродок обрушился на него всем своим немалым весом. Такого чудовищного рева я не слышал ни разу, и был он тем страшнее, что в нем отчетливо слышались человеческие интонации. Словно медведь и человек кричат в унисон.

Напрягшись всем телом – каждая мышца в нем отозвалась на усилие болью – я начал вставать, заваливая тяжелую тушу выродка в сторону. Он дергался, пытаясь соскочить, но слишком сильно насадил себя на секач собственным весом. Наконец упал на пол. Я встал над ним и, пошире расставив ноги, навалился на рукоять секача, вдавливая его в тело выродка. Он закричал снова, еще сильнее – так, что у меня мурашки по коже побежали. Но я продолжал давить – и это было моей ошибкой. Слишком сосредоточился на этом и пропустил удар когтистой лапы. Выродок едва задел меня, даже голенища сапога не разорвал, но тем не менее повалил на пол. Я упал рядом с ним, по-прежнему не выпуская рукояти секача. Лезвие просто выворотило из тела выродка. Он вскричал в третий раз. На остатки свободной куртки, что была надета на него, хлынула кровь. Тварь орала теперь не переставая, но медленно начала подниматься.

Я опередил ее, вскинув оружие. Выродок замер на секунду, стоя на четвереньках, и тут же ринулся на меня, низко опустив голову. Так атакуют, наверное, медведи, не поднимаясь на задние лапы. Ничего подобного я, несмотря на внешний вид моего врага, просто не ожидал. И в очередной раз выручили рефлекс. Быстрый удар навстречу – шип в основании лезвия секача врезался прямо в удивительно человеческое лицо выродка, разворотив нижнюю челюсть. На шею потоком хлынула кровь. Рев стал больше похож на невнятное хрипение, а после тварь и вовсе сбилась на болезненный кашель.

Выродок припал на руки, как будто они разом отказали ему. Но я был готов к тому, что это всего лишь уловка, да и церемониться с ним уж точно не собирался. Он не смог или не сумел закрыться от моего удара. Лезвие секача вошло в шею, правда, не под самым удачным углом. Металл заскрежетал о кости черепа. Выродок окончательно упал передо мной ниц, будто я был его божеством. Наверное, со стороны это смотрелось даже эффектно – вот только свидетелей, увы, не было.

Я вскинул над головой секач и обрушил его на мощный крестец. Кости затрещали, тварь зашлась в новом приступе кашляющего рева и распласталась по полу. Но я был уверен в том, что она все еще жива. Выродки всегда отличались невероятной живучестью. Шагнул влево и, широко замахнувшись, рубанул по толстой шее – раз, другой, третий. Выродок при

каждом ударе судорожно всхлипывал, видимо уже не способный издавать иные звуки. На пятом ударе он затих, а на шестом голова наконец отделилась от тела.

Я упер конец секача в пол, по которому разливалась здоровенная лужа крови. Сам, наверное, сейчас был больше похож на усталого мясника у недоразделанной туши. Но много времени на отдых позволить себе не мог. В считаных саженьях от меня продолжался бой.

Закинув на плечо секач, я вышел из дома через тот же пролом, в который влетел. Моя схватка со здоровенным выродком вряд ли заняла много времени, однако на улице успел сгуститься туман, да такой, что казалось, будто я нырнул в кринку с молоком. Звуков схватки слышно не было. Прошел несколько шагов до середины Хай-стрит, но не встретил никого – ни друзей, ни врагов. Лишь пару раз споткнулся о чей-то труп. Склонившись над одним, увидел, что это один из жителей Уайтчепела, из тех, что напали на нас.

Я как раз выпрямлялся, когда на меня из тумана выскочил такой же. Во френче и при красном офицерском кушаке. Похоже, враг сам не ожидал тут наткнуться на кого бы то ни было. Он замер на секунду – и это стоило ему жизни. Ударил его концом рукояти секача, разворотив лицо. Противник отшатнулся, инстинктивно прижав к нему обе руки. Он даже не заметил смертельного удара, сокрушившего его ребра.

Я вернулся к краю улицы, помня наставление сэра Томаса и его слова про то, что больницу ни с чем не спутаешь. Не пропустить бы ее теперь в таком тумане. Почти на ощупь нашел ближайший указатель на доме. Сверившись с ним, понял, что иду в правильном направлении, и двинулся дальше.

Перехватили меня на каком-то перекрестке. Сразу пять фигур выступили из молочного тумана. Знакомые уже лондиниумцы – во френчах, рабочих куртках и длинных пальто. За их спинами маячили другие – и я был уверен, что кое у кого из них в руках заряженные арбалеты. Руководил ими долговязый мужик в возрасте, лицо его «украшала» многодневная щетина, а зубов во рту оставалась едва ли треть. Зато на голове красовался цилиндр с красной лентой. В правой руке главарь сжимал длинную кавалерийскую саблю – неплохо для отребья.

– Какой красавец нам попался, парни, – усмехнулся он, скривив рот в неприятной усмешке.

Это все, что он успел сделать, потому что я не собирался ждать развития событий. Бросился в атаку – один на толпу врагов. Это то, чего от меня уж точно никто не ждал. Но главная заповедь любого бойца, а уж игрока так в первую очередь: удиви врага – и ты получишь над ним преимущество. Сейчас отребье, что окружало меня, ждало, что стану защищаться или вовсе побегу. Я же вместо этого напал на них.

Первым же ударом я срубил главаря в цилиндре – он даже саблю вскинуть для защиты не успел. Следующим – снес голову ближайшему врагу. Третьим – повалил наземь сразу двоих, разворотив одному ребра.

Я ворвался в толпу врагов, нанося удары направо и налево. Теперь главное – двигаться, прорываться вперед, не дать этому отребью опомниться. Будь на их месте профессиональные солдаты или даже вчерашние рекруты, я был бы уже мертв, но эти ребята слабо представляли себе, как следует драться. Они толкались, мешали друг другу, никто и не думал прикрывать арбалетчиков. Я раскрыл череп здоровяку, пытавшемуся взмахнуть цепом, но ему все время мешали толпящиеся рядом товарищи. Бойца в кирасе и шлеме с забралом, врезавшись в него всем телом, повалил на мостовую и прикончил быстрым ударом. И тут меня достали-таки сзади.

Видимо, нашелся кто-то поумнее остальных. Я каким-то шестым чувством профессионального игрока ощутил опасность и успел отреагировать. Чудом – мышцы на разрыв! – отбил удар сабли и врезал врагу лезвием секача в лицо. В боях на арене, даже в самых жестоких, старался избегать этого приема – уж очень безжалостный он был. Среди игроков не

принято уродовать противников. Но сейчас я находился не на арене и сдерживаться не собирался. Враг повалился мне под ноги – лицо его превратилось в кровавое месиво, глядеть на которое особого желания не было.

И тут, словно плотину прорвало, – на меня накнулись со всех сторон. Я рванулся к ближайшей стене, чтобы хоть тыл себе прикрыть. Срубил одного бандита с красной повязкой на рукаве. Этот цвет был отличительным для напавших на нас. Еще одного сбил с ног, но добивать не стал, проскочил мимо и прижался спиной к холодному камню стены. Так я чувствовал себя намного спокойней.

Враги остановились на секунду, окружив меня плотным полукольцом. Они ждали новых неожиданных действий, но я слишком устал, чтобы удивлять их. Отчаянно хотелось опереться на секач. Мои легкие напоминали кузнечные меха, требующие все больше воздуха. Враги вокруг продолжали толпиться, мешая друг другу, но самое главное – они не увидели новой угрозы.

Два стрелка с арбалетами в руках вылетели из тумана, оставаясь размытыми фигурами, – настолько быстро двигались. Выстрелы их казались перещелкиванием странных механических птиц. Короткие болты врезались в бандитов, убивая одного за другим. Те обернулись навстречу опасности, не зная, что это была лишь прелюдия.

– Вниз! – раздался сильный голос сэра Галахада, и я невольно припал на колено, хотя вряд ли мне грозила опасность.

А следом за окриком затрещал электрический ток. Где-то в тумане словно зажглось небольшое холодное солнце, злое и лохматое, как уличный пес, вокруг него танцевали угловатые отростки. Кто-то из бандитов закричал, кто-то бросился в сторону, но было уже поздно. Злое солнце сорвалось со ствола ружья сэра Галахада и врезалось в них.

Я прикрыл рукой глаза. В нос ударил противный запах горелой плоти. В голову пришла абсолютно идиотская ассоциация с пережаренной свининой. Пару секунд ничего не видел. Когда же зрение прояснилось, то подумал, лучше бы мне на это не смотреть. Я ко многому привык за Крымскую кампанию, но не к такому. Трупы валялись на грязной мостовой, исходя дымом, который постепенно смешивался с уличным туманом. Лишь несколько бандитов остались на ногах.

Один быстро удирал и вот-вот должен был скрыться в переулке. Щелкнул арбалет – и он повалился наземь, короткий болт торчал между лопаток. И это как будто стало сигналом для остальных. Бандиты бросились врассыпную. Двое побежали в мою сторону, я машинально вскинул секач и рубанул ближайшего. Лезвие вскрыло ему грудь – из глубокой раны торчали обломки ребер. Второй опомнился, наверное, от вида жуткой раны, нанесенной моим оружием. Он вскинул ржавый палаш, который сжимал в руках, и ринулся на меня. Я шагнул в сторону, отбил клинок рукоятью и врезал ногой по голени противника. Он упал на колени, оружие вылетело из рук, зазвенело по мостовой. Прикончить его было делом одной секунды.

Переступая через трупы, я подошел к стрелкам. Теперь смог наконец разглядеть их как следует. Ими оказались Изабо д'Аржий и Вахтанг Ломидзе. Князь был занят тем, что вытаскивал болты из тел убитых. У Изабо еще оставался основательный запас боеприпасов, нужды потрошить трупы у нее не было. Вот только надолго ли хватит болтов – непонятно. Ведь мы сейчас воюем с целым районом Лондиниума.

Из тумана вышел сэр Галахад. Электрическое ружье в его руках исходило дымком, и он напомнил мне тот, что поднимался над изжаренными телами бандитов. Под ноги сейчас лучше было не глядеть.

– Рад видеть вас, граф, – кивнул мне сэр Галахад. – Если честно, после нападения той твари мы списали вас со счетов.

– Зря, – усмехнулся я. – Одной твари маловато будет, чтобы прикончить меня, хотя, скажу честно, пришлось туговато. А сейчас я думал, мне конец, с таким количеством врагов не справиться.

– Командир, – подошел ко мне Ломидзе. – Хорошо, что ты живой. Надо будет поскорее остальным об этом рассказать, а то у команды боевой дух упал.

– А как вообще случилось, что вы разделились? – спросил у него я, машинально переходя на русский. Английского Ломидзе не понимал.

– Бой был, – пожал плечами Вахтанг. – Нас все сильнее обстреливать стали, а толпа – уж очень хорошая мишень. Да и тварей много полезло – и мелких, и здоровых, вроде той, что тебя утащила. Вот я и прибил к этим. Тяжко с ними, командир, я ж по-ихнему ни бельмеса, а они по-нашему тоже.

– Теперь проще будет, – усмехнулся я и обернулся к сэру Галахаду: – Продолжаем идти к больнице? Планы не поменялись?

– Основная группа будет атаковать больницу с главного входа, – ответил тот, – а нам предстоит ударить в тыл. Больница соединена с моргом при церкви Всех Святых подземным ходом. Он считался большой инновацией в свое время – до того покойников возили на каталках через улицу, что не слишком нравилось народу.

– И вы думаете, что этот ход не охраняется? – покачал головой я, весь скепсис был написан у меня на лице.

– Конечно, охраняется, – отмахнулся сэр Галахад. – Согласно первоначальному плану, туда должны были проникнуть рыцари Ордена, пока остальные отвлекают врага атакой на главный вход. Но теперь обстоятельства изменились, и сэр Томас приказал мне возглавить группу для проникновения через подземный ход. Это было как раз перед тем, как схватка и обстрел разделили нас.

Интересную, оказывается, роль нам отвели рыцари в этом деле. Отвлекающий удар по основным силам врага, покуда они преспокойно будут заходить ему в тыл, да еще и через подземный ход. Как бы скептически я ни относился к этой идее, но понимал – тоннель вряд ли охраняется так же хорошо, как главный вход в больницу.

Мы без приключений добрались до обнесенной невысокой оградой церквушки, в которой наскоро отпевали умерших в больнице. На той стороне Хай-стрит уже шел настоящий бой – уж эти-то звуки я ни с чем не спутаю. Звенела сталь, раздавались крики – человеческие и не очень, громко шелкал чей-то тяжелый арбалет, наверное маркиза Лафайета. Периодически надо всем этим поднимался жуткий рев, и мне не хотелось знать, что за глотка может издавать его.

Около церковной ограды околачивались несколько бандитов с красными повязками в длинных плащах и картузах. Все вооружены драгунскими палашами. Руководил ими воин в мятой кирасе и шлеме с забралом, на плече его покоился двуручный меч с удивительно широким клинком. Надо обладать впечатляющей силой, чтобы рубиться с таким монстром.

– Этот в кирасе – выродок, – предупредил меня сэр Галахад, – и весьма живучий. Я в одного такого же всадил заряд из своего ружья, и тогда его батарея была куда полнее, чем сейчас, но он выдержал.

– Прикончил пару таких своим секачом, – пожал плечами я, – умирают точно так же, как остальные. Прикройте меня, – добавил, – а я разберусь с этим бандитом в доспехах.

– Чего делать-то? – спросил у меня Ломидзе, когда я, снова позабыв о том, что он ни бельмеса не понимает по-английски, уже собирался рвануть вперед.

– Прикрой меня, – бросил я, но тут мне на плечо легла рука сэра Галахада.

– Погодите, – сказал он. – Вы слишком устали после двух схваток.

– И что вы предлагаете?

Конечно, в словах паладина Ордена был резон. Я дышал уже очень тяжело, и восстановить дыхание никак не удавалось, секач наливался свинцовой тяжестью все сильнее с каждым пройденным шагом. С трудом представлял себе, как буду драться сейчас с выродком в доспехах, ведь боевой выучкой твари сильно превосходили обычных бандитов, в чем я убедился еще во время первого столкновения. А если этот окажется еще и живучим, то мне придется очень туго.

– Вот это, – в левой руке сэра Галахада сверкнуло стекло шприца. – Вам лучше не знать, откуда получают этот экстракт, но эффект у него потрясающий, правда, действует не очень долго.

– Колите уже, – отмахнулся я, расстегивая воротник.

Я знал о подобных штучках. Они были запрещены среди игроков наравне с кокаином, популярным веществом из Колумбии, и морфинами, привозимыми из Китая. Действия этого экстракта хватало как раз на один бой, однако после того, как оно проходило, на человека было страшно смотреть. Особенно неприятным был тремор, из-за которого не удержишь меч. Но сейчас придется чем-то жертвовать, с проблемами вроде дрожи рук буду разбираться позже.

В шею вошла неприятно длинная и холодная игла, сэр Галахад нажал на поршень, впрыскивая мне экстракт. Тут же сердце застучало в два раза быстрее, кровь скорее побежала по жилам, руки снова налились силой. Я покрепче сжал рукоять секача. – Прикрывайте, – бросил я сэру Галахаду и Изабо и повторил для Ломидзе на русском: – Прикрывай!

И кинулся в атаку.

Вовремя среагировать на меня успел только воин в кирасе, как я и думал. Он единственный развернулся в мою сторону, вскидывая двуручный меч. Остальные только вытаскивали оружие из ножен, а в них уже полетели болты арбалетов Ломидзе и Изабо д'Аржий. Парни в длинных плащах повалились на грязную мостовую. Еще один попытался высунуться из-за ограды с арбалетом в руках, но тут же получил болт между глаз и завалился обратно.

Все это я отмечал краем глаза – привык как капитан команды следить за обстановкой на арене. В первую очередь меня занимал мой противник. Воин в кирасе держал двуручник в оборонительной позиции, он не был сторонником неожиданных действий. Я ударил его, используя всю силу замаха и разогнавшегося тела. Враг принял лезвие моего секача на свой клинок и легко удержал его. Да, это точно был выродок – ни одному человеку не под силу повернуть нечто подобное. Ответный толчок отшвырнул меня на несколько вершков. Я едва удержался на ногах. Но противник и не думал давать мне передышку – он бросился в атаку. Наше оружие столкнулось раз, другой, третий, издавая длинное и протяжное гудение вместо обычно описываемого в рыцарских романах звона. Четвертый удар врага уронил меня на колени – только так я смог, хотя и с огромным трудом, удержать в руках секач. Отчетливо понимал, пятого – не пережить. Клинок вражеского меча взметнулся к затылку и тучами небу. Но я не стал глядеть на него – он меня не интересовал. Рванулся всем телом в сторону, уходя в короткий перекат, и тут же, не поднимаясь с колен, рубанул выродка снизу вверх по ребрам. Лезвие секача легко пробilo не самого лучшего качества кирасу, кое-где основательно запятнанную ржавчиной. А вот дальше вышла заминка.

Мой секач, легко сокрушавший броню Готских рыцарей, то оружие, которым я отсекал голову всаднику и коню единым ударом, застрял. Он неглубоко вошел в тело выродка и наткнулся на непреодолимое препятствие. Однако и враг замер на несколько секунд, как будто не ожидал такого поворота событий. Это дало мне драгоценное время. Что может быть важнее в бою? Я надавил изо всех сил на рукоять секача, стремясь если не вогнать его глубже в тело врага, то хотя бы повалить того на мостовую. И мне это удалось! Неловко взмахнув руками, выродок с лязгом и грохотом упал мне под ноги. Я же сумел встать и упе-

реться ногой ему в бок, теперь уже прилагая усилия для того, чтобы освободить свое оружие. Вышел секач из тела на удивление легко – с неприятным чмокающим звуком.

Я отступил на полшага, давая ошеломленному выродку чуть подняться, и тут же обрушил на его голову лезвие секача. Замах был широким, удар вышел очень удачный. Рубанул почти отвесно и должен был развалить шлем твари на две части, да и череп под ним тоже. Но не тут-то было. Нет, шлем – тоже не лучшего качества – раскололся, как гнилой орех, а вот череп оказался куда крепче. Мой секач, конечно, не отскочил от него, но всего лишь оставил неглубокую рану на уродливой шишковатой голове выродка.

В какой-то жуткий миг я в мельчайших подробностях разглядел его. Каждая безобразная черта запечатлелась в памяти. Редкие волосы, торчащие пучками среди шишек, покрывающих череп. Несимметричное, угловатое, похожее на смятый комок бумаги лицо – если это вообще можно назвать лицом. Но самыми страшными были глаза – не красные, как написали бы в дешевом романе, не зеленые, как в легендах и мифах, но бесцветные, как будто на меня глядела вытащенная на берег рыба. Отвратительное зрелище. Из разрушенной моим секачом шишки на рожу твари стекала водянистая кровь, густо перемешанная с гноем и черт знает чем еще.

Но, несмотря на жуткую внешность, передо мной был человек – быть может, и выродок, но человек и боец. Он не стал, словно зверь, кидаться, пытаясь сграбастать, вцепиться в горло зубами. Нет, он вскочил-таки на ноги и обрушил на меня свой меч. Я отбил его могучий, хотя и весьма неумелый удар. Он больше полагался на силу, нежели на мастерство, которого у него не было вовсе. Но и силы хватало с лихвой. Возможно, я справился бы с ним, будь в лучшей форме, однако скоро действие вколотого экстракта пройдет, и секач снова нальется свинцовой тяжестью. Вот тогда мне точно конец. Значит, надо закончить бой прежде.

Отбил второй удар, что стоило больших усилий. Выродок вошел в азарт и рубил изо всех сил, а уж этого ему было не занимать. От третьего я уклонился, сделав вид, что разрываю дистанцию, и этим легко спровоцировал врага. Он кинулся на меня, а я, вместо того чтобы податься назад, быстро шагнул ему навстречу. Потрясенный таким нехитрым маневром выродок даже заметить не успел моего удара. Длинный шип, торчащий в основании лезвия секача, врезался в незащищенное горло противника. И тут, наконец, сталь не встретила никакого сопротивления – горло у твари было, как и положено, мягким. Враг кашлянул кровью, выплюнув ее темный сгусток мне под ноги, но умирать пока что не собирался.

Воспользовавшись заминкой, я снова изо всех сил рубанул его по голове, замахнувшись так широко, как только смог. Выродок отлетел на пару саженей, растянувшись на грязной мостовой прямо поверх проткнутого стрелой труп. Зарубка на шишковатой голове осталась куда более внушительной, чем после первого моего удара, но она ничуть не походила на смертельную рану. Подтверждая это, выродок начал медленно подниматься. Похоже, мои удары контузили его – он, что называется, «поплыл». Движения замедлились и стали какими-то нескладными, словно он в единый миг позабыл, как надо шевелить рукой или ногой. Но все равно тварь была жива. После двух мощных ударов по голове. Это просто невероятно, сложно поверить, что такое вообще возможно.

И тут в висок твари впился арбалетный болт. Он вошел глубоко в череп, заставив уродливую голову сильно дернуться. Выродок замер на мгновение и повалился обратно на труп бандита в длинном плаще. Признаков жизни тварь вроде бы не подавала. Однако я для верности, подойдя поближе, несколькими ударами отрубил ей голову. Кажется, даже медведеподобному уроду сделать это было легче, чем ей.

Закончив с неприятной и тяжелой работой, оперся на секач. Навалилась невероятная усталость. Кажется, ничто не заставит меня поднять голову, а уж о том, чтобы сделать хоть один шаг, и речи быть не может. Тем не менее я отлично понимал, что придется как-то справляться с этим переутомлением – дел у нас тут было по горло.

Я едва обратил внимание на подошедших ко мне товарищей. Почти не слушал, что говорит сэр Галахад. Кажется, он восхищался моими боевыми талантами или что-то в этом роде. Наверное, в другой момент я был бы польщен, но сейчас все съедала всепоглощающая усталость. С огромным трудом поднял голову и спросил у сэра Галахада, кто же застрелил выродка.

– Леди Изабо, – ответил тот. – Она первой успела воспользоваться возможностью.

– Опередила она меня, – произнес мрачный Ломидзе, как будто дополняя сказанное паладином Ордена. Он подошел немного позже, снова собирал стрелы, застрявшие в телах убитых врагов. – Да и арбалеты у нее получше моих будут, я бы, может, и не попал бы с такого расстояния, да еще и навскидку стреляя. Эта барышня чертовски метко бьет. Не хотел бы против нее на арене оказаться.

– Вам надо двигаться, граф, – потряс меня за плечо сэр Галахад. – Вытяжка, что я вам дал, коварное вещество. Оно скверно влияет на сердце, если поддаться апатии, которая приходит, когда кончается возбуждающее действие.

В тот момент я подумал, что стоило бы попробовать схватиться с выродком и без всяких инъекций. Однако случившегося уже не изменить, как ни жалею, и раз сэр Галахад говорит, что надо двигаться, то стоит прислушаться к его словам.

Я с трудом выпрямился, перестав наваливаться на секач, будто он был моим костылем, и сделал первый неуверенный шаг. Он дался очень тяжело. Однако следующий оказался несколько легче. Следующий – еще легче. Потом совсем уж легко, как будто свинцовая усталость таяла с каждым энергичным движением.

Совсем она, конечно, никуда не делась, но кровь быстрее побежала по жилам, и вскоре я мог легко поддерживать темп движения остальных.

Тем более что никто никуда не торопился. Сэр Галахад шел почти крадучись, согнув спину и выставив перед собой зловеще потрескивающий ствол электроружья. Толку от такого перемещения было немного, ведь топотали мы все очень громко. Подкованные каблуки сапог и туфель стучали сначала по каменной мостовой, а после – по ступенькам, ведущим в церковь. Сэр Галахад открыл стволом электроружья и без того наполовину распахнутую створку дверей и уже собирался шагнуть внутрь, когда я остановил его, положив руку ему на плечо. Не знаю уж, что мной двигало в тот момент, но я сказал:

– Лучше мне идти первым. Только у меня есть холодное оружие, а вы прикрывайте мне спину.

И, не дав сэру Галахаду возразить, первым вошел в церковь. В полумраке, царившем внутри, смутно виднелись длинные ряды скамей и кафедра священника. Я медленно шагал по широкому центральному проходу, держа секач наготове, хотя это и стоило мне известных усилий. Руки то и дело принимались мелко подрагивать, и, чтобы успокоить этот неприятный тремор, приходилось напрягать их посильнее, как можно крепче сжимая пальцы на стальной рукояти секача, покуда те не начинали болеть.

Главный зал мы миновали без происшествий, прошли мимо кафедры проповедника и нырнули в небольшую заднюю дверь с лаконичной надписью «Морг». За ней появилась длинная пологая лестница, спускаться по которой было не слишком удобно. Ступеньки оказались длинными и невысокими, а потому мне никак не удавалось подстроить под них шаги и я постоянно боялся споткнуться.

Ни лестница, ни подземный коридор не охранялись.

– Странно это все, – пробурчал сэр Галахад. – Не нравится мне. Слишком легкомысленно, оставить второй вход незащищенным.

– Наш противник вполне мог полагаться на тех ребят, что ошивались перед церковью. Ведь с ними был выродок, которого весьма сложно убить.

– Не сложнее, чем любого другого, – не согласился со мной паладин Ордена, – и он был только один. А мы, если все верно, сейчас идем напрямик в лабораторию доктора Моро.

– Вот и спросите у него за безалаберность, – усмехнулся я, правда, и сам понимал, что шутка неуместная.

Пустые больницы и школы всегда вызывают у меня чувство страха. Страх иррационального, ничем не подкрепленного, однако слабее от этого он не становится. Вот и теперь мы шагали по покинутой больнице, повсюду были видны следы разгрома, как будто тут прошлась толпа вандалов. Каталки сдвинуты к стенам, чтобы освободить проход. Местами на полу валялось разорванное постельное белье, по которому не раз протоптались грязными сапогами. Иногда под ногами хрустело стекло многочисленных разбитых ампул и шприцев. И никого. Ни единого человека внутри.

Зато снаружи кипело сражение. Оказавшись в полуподвале, окна которого выходили на фасад больницы, мы все замерли на несколько минут, прижавшись к грязным стеклам. Через разводы никогда не счищавшейся грязи видели смутные картины боя, а что не видели, то дополнялось звуками. Весьма зловещими звуками. Крики людей, лязг стали, топот ног, снова крики и заглушающий все нечеловеческий рев. Оторвались мы только тогда, когда в мое окно влетел арбалетный болт длиной в добрый аршин, разбив стекло на сотню осколков, чудом не поранивших мне лицо. Болт вонзился в деревянную раму, засев в ней.

– Там мы ничем помочь не сможем, – произнес сэр Галахад, отодвигаясь от своего окна, пока туда тоже что-нибудь не прилетело. – Надо двигаться дальше.

Как будто без него это не было всем понятно. Но оторваться от сражения, пускай и едва видимого за грязевыми разводами, было очень сложно.

Выйдя из полуподвала, мы поднялись по первой же лестнице наверх. В этот раз она оказалась нормальной – идти по ней мы могли, не опасаясь упасть при каждом шаге.

– Что за дьявольщина тут творится? – снова начал бурчать сэр Галахад. – Пустота и тишина – вовсе не этого я ожидал от логова доктора Моро.

– Отсюда все вывезли, – ответил я, – разве не ясно по следам? Вывозили в большой спешке, скорее всего, начали сразу после вашего первого появления. Поняли, что раз Орден вышел на них, то уже точно не отвяжется, и решили как можно скорее покинуть Лондиниум, а возможно, и ваши острова.

– Да вы прямо гений сыска, – недовольно бросил мне сэр Галахад, – мигом просчитали нашего противника.

– Тут не надо быть семи пядей во лбу, – отмахнулся я. Уставшему и злому на весь свет, мне было плевать на политесы. – Вы спугнули доктора, и вряд ли мы застанем его здесь. Скорее всего, он покинул лабораторию первым.

Однако в этом я как раз ошибался. Доктор Моро был еще тут, как и его таинственный покровитель. В этом убедились очень скоро. Осматривая больницу, мы оказались у окон, выходящих на заднюю часть здания. Они располагались прямо над черным входом, которым пользовались врачи и сестры милосердия, чтобы покинуть больницу не через всегда заполненный людьми приемный покой. Он выходил на достаточно широкую улицу, где смогла разместиться черная карета, запряженная парой лошадей. Не кеб, а именно старомодная карета. На козлах сидел кучер, скучаяще помахивая длинным кнутом, как будто его вовсе не касалось, что в считанных саженях от него идет сражение.

Прыгать из окна на крышу кареты, конечно, никто из нас не стал. Вместо этого мы зашагали дальше по коридору и почти сразу услышали голоса. Два человека говорили на повышенных тонах. Мы быстро, но стараясь шуметь как можно меньше, двинулись в том направлении, откуда доносились голоса. Не прошло и пары минут, как очутились в небольшой галерее, рядом с широкой лестницей, ведущей на первый этаж. Ее ступени оказались такие же, как у той, что в церкви. Наверное, для того, чтобы удобнее было идти, держа в

руках носилки. А внизу препирались двое – седой человек в клетчатом дорожном костюме, комкающий в руках шляпу, и высокий тип. По выправке я сразу узнал в нем военного, пускай и одетого в обычный костюм. Он ровно держал спину, правая рука будто пришита к бедру – значит, офицер, привык поддерживать саблю. Однако вооружен он был вовсе не саблей. Из-за левого плеча торчал ребристый ствол электроружья, судя по всему, немалого веса. Он то и дело поддегивал ремень левой ладонью.

– Вы просто не можете так поступить со мной, полковник! – надрывался седой в дорожном костюме. Именно его голос мы услышали первым – так громко он кричал. – Это бесчеловечно! Я работал на вас, служил верой и правдой и что получаю теперь?! Вы бросаете мои записи, когда Орден буквально ломится в наши двери!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.